

Г. Д. Гловели

Среднерусский марксизм и системное мышление: организационная наука
А. А. Богданова*

*«Среднерусский» марксизм
и его затертый гений*

«Когда какое бы то ни было великое учение делают предметом веры, как в данном случае марксизм, тогда перестают его знать и понимать, — и в этом, по-моему, трагическая судьба марксизма»**. Так говорил в лицо своим «ортодоксально» коммунистическим критикам Александр Александрович Богданов (Малиновский) после 30 лет своего увлечения «космизацией» марксистского историко-монистического подхода и после 20 лет своего «отлучения» от ангажированного марксизма. Судьба самого Богданова оказалась трагической вдвойне — «подлинный энциклопедист»***,

* Переработанная версия вступительной статьи к книге: Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд., испр. и доп. М., 2019. (Серия: Классики науки; № 30).

** Вестник Коммунистической академии. 1925. Вып. 11. С. 302.

*** [Базаров В. А., Кан И. А.] Предисловие ко 2-му изданию III части // Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 1. С. 67.

самый масштабный из мыслителей-марксистов XX века, но не примкнувший ни к ангажированному «ортодоксальному», ни к либеральному «критическому» марксизму, он уже при жизни оказался меж двух струй тенденциозной хулы — и из-под хоругви «Вех», и из-под «знамени марксизма». Предисловие-некролог к уже посмертному тому главного труда А. А. Богданова «Тектология» его ближайший друг, выдающийся экономист В. А. Базаров начал с характеристики замысла автора как «революционной по всему своему стилю попытки на новых началах систематизировать весь доступный нам научный опыт, и притом на таких началах, которые должны заложить основы социалистической ориентации познания»*. А завершил словами надежды, что будущее, быть может, недалекое, покажет, что из этого глубоко оригинального мира идей станет прочным приобретением «сокровищницы нашего знания»**. Но уже вскоре в своей мемориальной (и оставшейся неопубликованной) статье Базаров был вынужден оговориться, что для «оценки научного наследства, завещанного нам А. Богдановым, еще не наступило время»***. И это время *так и не наступило* в стране «пролетарской революции» и «победившего социализма», где Богданов был первым, против кого было персонально направлено партийно-«философское» коллективное обвинение****. А дальше именно Богданов оказался подходящим «козлом отпущения» при проведении иезуитской тактики подрыва революционной легитимации, ибо если ленинскую «партийность» в философии и литературе гласно отрицать было нельзя, то отвергать и извращать богдановскую «пролетарскую культуру» очень даже можно. В стране же, «победившей социализм», нашлись и желающие просто поменять минус на плюс в богдановском «антимарксизме», хотя гораздо больше, конечно, желающих вычеркнуть из истории «революционаризм вообще».

Поэтому уже по противоположной причине стал замалчиваться революционный выбор, определивший жизненный и творческий путь разночинца Александра Малиновского,

* Там же. С. 65.

** Там же. С. 68.

*** Базаров В. А. А. А. Богданов (Малиновский) как мыслитель // Вестник МИАБ. 2002. № 4(12). С. 35.

**** Ленин Н. и Плеханов Г. Против А. Богданова. М., 1923.

второго из многочисленных детей народного учителя с западной окраины Российской империи, пансионера и золотого медалиста классической тульской гимназии — первого ученика, которого, однако, «злостно-тупое начальство» приучило «ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты»*. Хотя не он, а его друг-одноклассник, сын дворянина и земского врача (лечившего Льва Толстого) Владимир Руднев взял позднее в качестве псевдонима хрестоматийную фамилию «Базаров», знаменитый афоризм этого литературного героя может считаться отправным пунктом мировоззрения именно Богданова: «Природа не храм, а мастерская; человек в ней работник»**. Революционная молодость Богданова, вместившая и подпольный рабочий кружок-университет, и экспедицию в качестве «топографа» по холодному Коми-Зырянскому краю совместно с тогдашним ссыльным социал-демократом (а позднее знаменитым полярным исследователем) В. А. Русановым***, и интерес к гипотетической инопланетной цивилизации, внесла в указанное кредо решающее уточнение. Работники в природе-мастерской, идущие к мировоззрению «завоевателей вселенной»****, формируются в новый тип человека в крупном машинном производстве, рождающем тенденцию к преодолению двух исторических форм «дробления человека» — цеховой специализации и разделения на организаторов и исполнителей*****. И с этим новым типом связано будущее русской нации, раскинувшейся «на огромном пространстве, среди суровой природы» и доказавшей свою энергию и способность к творчеству «всей своей трудовой жизнью, своей упорной борьбой со стихиями, своей коллективно-созданной поэзией, своими героями и гениями»*****.

* Богданов А. А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 361.

** Тургенев И. С. Отцы и дети. М., 1998. С. 216.

*** Владимир Александрович Русанов. Воспоминания, статьи, письма. М., 1945. С. 372, 388.

**** Богданов А. А. Философия живого опыта. Пг.; М., 1923. С. 327.

***** Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 40–41.

***** Богданов А. А. От редакции // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. С. 4.

В истории философии велико значение кружков; в России, быть может, особенно. Но, пожалуй, только в одном случае исходный импульс к построению философской системы был дан *рабочим кружком*. И это был импульс от кружка в старопромышленной Туле, в который рабочие Оружейного и Патронного заводов вовлекли исключенных за участие в студенческих протестах (дело «Союзного совета землячеств») из Московского университета юного Малиновского (биолога) и его друга Руднева-Базарова (химика). Оба входили в рабочий кружок как «учителя»-лекторы с лавровским «долгом интеллигенции перед народом» и с философией «суровых демократов-нигилистов»*, «таких выдающихся популяризаторов, как Чернышевский и Писарев», таких естествоиспытателей-«шестидесятников», как Сеченов и Тимирязев. И увидели, что молодые фабричные рабочие, хотя и стекались «под мелодию» заводских гудков из деревни, повели себя не так, как крестьяне во времена неудачных «хождений» интеллигенции «в народ» середины 1870-х и начала 1890-х**. Заводчане хотели уяснить свое положение в обществе, самостоятельно читали и обсуждали газеты, ждали от лекторов-«интеллигентов», к которым присоединился высланный из Москвы Иван Скворцов-Степанов, ответов на всякие «проклятые и непроклятые вопросы». Прежде всего вопросы об экономике, и здесь быстро почувствовалась неудовлетворительность известными пособиями — «Экономических бесед» народника Н. А. Карышева и «Курса политической экономии» либерального профессора И. И. Иванюкова***. Общий язык помогло найти совместное изучение «Капитала» К. Маркса. А составленный Александром Малиновским на основе кружковых лекций курс, отредактированный друзьями и опубликованный в Москве под псевдонимом «А. Богданов» и с заглавием «Краткий курс экономической науки» (1897), снискал крупный успех и выдвинул автора в первый ряд идеологов молодой российской социал-демократии.

* Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Т. 3. СПб., 1906. С. III.

** Гловели Г. Д. «Социализм науки»: Мебиусова лента А. А. Богданова. М., 1991. С. 6.

*** Богданов А. А. О пролетарской культуре. 1904—1924. Л.; М., 1924. С. 240.

Она формировалась под воздействием численного роста рабочего класса и «*хождения народа в интеллигенцию*»*, развернувшейся в российской политэкономии хлесткой полемики «марксистов» с «народниками» и выхода книги Бельтова (Г. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Богданов воспринял марксистский «исторический монизм» как «научное откровение»**, но, отдавая должное диалектике Гегеля, отнюдь не считал, что именно ей указан «тот путь, следуя которому наука нашего времени, — например (! — Г. Гл.), естествознание, — сделала самые блестящие свои теоретические приобретения»***. Но он также не считал нужным (в противоположность шаблонному агитационному упрощительству) уходить в общении с рабочими от тем, напрямую не связанных с экономикой и политикой. Напротив, интерес товарищей-рабочих к широким мировоззренческим вопросам вызвал энтузиазм у молодого лектора-«естественника», еще в старших классах знакомившего друзей-гимназистов с «записками» о влиянии природы и значении открытий и изобретений для человечества****. Отсюда — «монистическое» направление для ищущей мысли: «соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры»*****.

Завершение формального университетского образования (диплом медицинского факультета по специальности «врач-психиатр») в Харькове сопровождалось уже активным участием Богданова в социал-демократических организациях, что привело к новой ссылке, вместе с соратниками Скворцовым-Степановым и Базаровым, на этот раз в Калугу (1899), где появился еще один друг, вскоре и родственник (муж сестры) — Анатолий Луначарский. Тот вспоминал, что всех объединяло стремление представить марксистскую философию в «более широкой и ярко цветной редакции», чем «узкая ортодоксия»,

* Базаров В. А. Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890—1910) / под ред. С. А. Венгерова. Кн. II. М., 2000. С. 299.

** Луначарский А. В. Александр Александрович Богданов // Правда. 1928. 10 апреля. № 85. С. 3.

*** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 34.

**** Соболев И. И. Товарищ // Вестник МИАБ. 2002. № 4(12). С. 71.

***** Богданов А. А. О пролетарской культуре. С. 241.

на которой пытался базироваться русский марксизм Г. Плеханова. Богданов при этом был «самым уверенным в себе и своих силах» и «искал совершенно своеобразных путей», чтобы «обосновать на марксистском фундаменте всестороннее научное знание», но «пути эти оказались соприкасающимися с эмпириокритицизмом»*. Сам Луначарский успел поучиться эмпириокритицизму непосредственно у его основателя цюрихского профессора философии Р. Авенариуса, но пути Богданова соприкоснулись с этим учением благодаря материалу для «монистического социально-трудового миропонимания», содержавшемуся в книгах венского профессора физики Э. Маха.

Богданов и его друзья развернули тульский «подпольный университет» для рабочих в том же возрасте, в каком полувеком раньше Маркс и Энгельс отчеканили в «Немецкой идеологии»: «...идейные образования должны быть объяснены из материальной практики»**. Богданов не знал этой работы, но принял за краеугольный камень своей философии критику Марксом «созерцательного материализма» в «Тезисах о Фейербахе» и постановку задачи «понять действительность, предметный мир, как человеческую деятельность, а субъекта этой деятельности, как социального субъекта»***. Или, говоря языком марксова «Введения» к работе «К критике политической экономии», познать происхождение различных «надстроек» из «базиса», экономической структуры общества, чтобы изменить эту структуру.

Отсюда — расширение трудовой теории стоимости и исторического материализма Маркса до всеохватывающего «социально-генетического» подхода: выяснить соответствие *меняющихся* форм общественного сознания — *идеологий* — *меняющимся* способам *коллективной практики* человеческого общества, разделенного на *классы и социальные группы*. Прежде всего Богданов интегрирует в «исторический монизм» выводы ряда европейских исследователей о хозяйственном генезисе речи, религиозных сводов, мифов и художественных форм. Особое значение имели труды «Наука о мысли» ори-

* Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 26, 248.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 37.

*** Богданов А. А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. С. 125, 93.

енталиста Макса Мюллера и «Монистическая мысль» философа-языковеда Людвигу Нуаре*. Нуаре выдвинул гипотезу о происхождении речи из выкриков-междометий в процессе труда и пытался связать воедино философию Шопенгауэра, эволюционную биологию Дарвина, закон сохранения энергии Р. Майера и «лингвистическую археологию» Лазаря Гейгера. А М. Мюллер, обосновавший с помощью категории «основная метафора» сравнительно-историческую филологию и мифологию, отождествил *вопрос о происхождении понятий* с «основным вопросом философии»**. Богданов развил этот подход, придя к выводу, что противопоставление главных философских понятий «дух» и «материя» восходит к обособлению в человеческих общинах авторитетных «организаторов» труда от массовых «исполнителей»***.

В сссылках (в 1900—1903 годах вместе с Луначарским в Вологде), затем в перипетиях политэмигрантской и революционной партийной деятельности Богданов старался уследить за эпохой открытий в естествознании, названной им «великой научно-технической революцией, которая идет на наших глазах»****. Не будет преувеличением сказать, что автор «Краткого курса экономической науки», выдержавшего за 10 лет 9 изданий (из них три с новым разделом «Социалистическое общество»), был в курсе почти всех достижений в физике, химии и биологии, отмеченных первыми Нобелевскими премиями. Но «страсть к монизму», разгоряченная марксизмом, влекла к отрицанию категорических различий в способах построения различных наук. В собственной философской системе «эмпириомонизм», вдохновленной возникшей в тульском рабочем кружке «направленной напряженностью» продуктивного мышления, Богданов соединял политэкономии и социологию «школы Маркса» с тремя интегративными «Э-измами» — эволюционизмом, проникшим из биологии в общественные науки; энергетизмом — выводом из сближе-

* Уайт Дж. От философии к всеобщей организационной науке: источники и предшественники тектологии А. Богданова // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 38—49.

** Мюллер М. Наука о мысли. М., 2015. С. 194.

*** Богданов А. А. Из психологии общества. 2-е изд. СПб., 1906. С. 134, 139.

**** Богданов А. А. Приключения одной философской школы. СПб., 1908. С. 66.

ния физики и химии и эмпириокритицизмом, объединявшим физику и психологию.

Эти концепции воплощали для Богданова *исторический взгляд на природу и познание*: они отвергали постоянство видов живых существ (эволюционизм), постоянство атомов «мертвой» *материи* (энергетизм) и постоянство истин (эмпириокритицизм). Они восполняли учение о революционном переустройстве общества и хозяйства учением о жизни как непрерывном потоке превращений, в котором могут быть выделены не статические «вещи», а лишь относительно устойчивые «формы движения», находящиеся в процессе непрерывного взаимодействия с окружающей их средой и соизмеримые в количествах энергии. И эту картину венчали воспринятые как почти марксистский анализ* историко-критические исследования Э. Маха о связи обобщающих понятий механики и термодинамики с изменениями ремесленно-технического опыта**.

Но «школа Маркса», особенно в России, погрязла в борьбе с различными видами «ревизионизма» и «оппортунизма». И сам Богданов вместе с Луначарским в вологодской ссылке схлестнулся в спорах с «ex-марксистами»-идеалистами — очных с Н. Бердяевым и журнальных с ним же и С. Булгаковым. Но вхождение в руководящие круги российской социал-демократии (в эмиграции по окончании ссылки, затем в Петербурге во время революции 1905 года и снова в эмиграции после ее поражения) столкнуло Богданова с партийными «ортодоксами» — сначала с генеральствующим Плехановым и меньшевиками, затем с Лениным. Один, когда-то внедривший в российское общественное сознание «монистический взгляд на историю», теперь обрушил на «еретика» Богданова всю полемическую ядовитость своего «воинствующего материализма»; другой памфлетной руганью и организационными манипуляциями добился сначала исключения Богданова из ЦК РСДРП, а затем создания по существу новой партии со своим авторитетным единоначалием.

* Богданов А. А. *Философия современного естествоиспытателя*. С. 75.

** Заметим, что в брошюре Э. Ильенкова, о которой еще пойдет речь, утверждается прямо противоположное: вне поля зрения Маха вообще остался «вопрос о науке — что она такое, откуда и зачем она возникает и по каким законам развивается» (Ильенков Э. В. *Ленинская диалектика и метафизика позитивизма*. М., 1980. С. 42).

Богданов — «конструктор, человек непреклонной строительной воли»*, но «по характеру очень мягкий и деликатный человек»** в пристрастной, с грубыми передержками партийной полемике не имел успеха. Его друг и соавтор по начатому фундаментальному «Курсу политической экономии» Скворцов-Степанов остался с Лениным, помог тому издать антибогдановский «Материализм и эмпириокритицизм», а затем был даже заслан «вождем» в мasons ради тщетной попытки договориться с видным масоном и крупным московским фабрикантом Коноваловым о деньгах для партии большевиков***. Еще один друг — Базаров — угодил в длительную политссылку в Астраханскую губернию. «Пролетарский писатель» Максим Горький, восторгался было эмпириомонизмом**** и возмущавшийся ленинским авторитаризмом, после Каприйской школы, подстрекаемый М. Андреевой, разорвал отношения с Богдановым и его социал-демократической группой «Вперед», выдвинувшей лозунг «пролетарской культуры». А затем вне организованный им группы оказался и сам Богданов — соратники, включая «меньшого брата» Луначарского, нарушили «принцип товарищеских отношений»*****. В основанную Луначарским вместе с публицистом-ткачом Ф. Калининим, поэтом-металлистом М. Герасимовым и фантастом-слесарем А. Гастевым русскую Лигу пролетарской культуры Богданов не вошел.

Так между большевизмом-ленинизмом, меньшевизмом, троцкизмом и подходом Плеханова «затерлось» особое направление научно-общественной мысли, которое я считаю возможным называть **среднерусским марксизмом**. Богданов — центр этого направления; годы его наиболее активного творческого общения с другими главными фигурами — Базаровым, Скворцовым-Степановым, Луначарским, историком-социологом Рожковым прошли в городах, относимых к средней полосе России (Москва, Тула, Калуга), и примыкающей к ней с севе-

* Луначарский А. В. Александр Александрович Богданов. С. 3.

** Косарев В. М. Партийная школа на острове Капри // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 68.

*** Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 202–204.

**** Настолько, что научил кричать «эмпириомонизм» своего домашнего попугая.

***** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 354.

ро-востока Вологодчине. Географическую привязку, конечно, не стоит понимать буквально, но «плехановская ортодоксия» и троцкизм возникли в эмиграции, а направления, объединенные вначале борьбой с легальным народничеством, — в Петербурге и Нижнем Поволжье. Затем эти направления «растеклись» на «легальный марксизм» (Струве, Туган-Барановский) и социал-демократию (Ульянов-Ленин, Потресов, Мартов), расколовшуюся, в свою очередь, на большевизм-ленинизм и меньшевизм.

Однако, главное, конечно, в содержании, а не в названии. Отличительные черты «среднерусского марксизма» можно охарактеризовать двумя сравнениями Богданова: исторического монизма (взгляд «с точки зрения тех, кто производит») с коперниканским переворотом в астрономии (перемена точки зрения на центр движения планетной системы)* и гениальности Маркса с разрывом «исторической границы» между наукой, философским мышлением, гигантским багажом учености и рабочим классом, экономическим, материальным процессом труда. И далее Маркс «все время протаскивает вас через какие-то границы... за пределы того, что он сам сказал»**.

Богданов в стремлении выйти за пределы сказанного самим Марксом не ограничился партийной деятельностью, философией и публицистикой. Он, с одной стороны, выступил как романист-фантаст с социалистическими утопиями, отразившими «марсианскую» замороженность читающей публики начала XX века***. С другой стороны, перешел от искания «монистической» философии к разработке «всеобщей организационной науки», нацеленной на обобщение методов, которые *практически* «давали бы ключ к различным специальностям и позволяли бы быстро овладевать ими»****.

Утопия Богданова «Красная звезда» погружена в контекст открытий астрономии, атомной физики и злободневных проблем начала XX века. Одновременно она — выражение главных ожиданий социализма XIX века: устранение противоположности между физическим и умственным трудом и дробной

* Богданов А. А. Памяти великого учителя (Карла Маркса). Тифлис, 1914.

** Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 13. Л. 39, 36.

*** Подробнее см.: Геродот Геглов. Марсотопия // Вестник МИАБ. 2001. № 1(5).

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 102.

специализации работников, «переход к неограниченной свободе труда»*. Но такой переход, как считал Богданов вслед за Оуэном, Фурье, Энгельсом, Лавровым, Чернышевским, Кропоткиным и другими утопистами разных оттенков, возможен только при *перемене занятий*, которую — и это уже картина социалистической «планомерности» в изображении Богданова — обеспечат политехническое обучение, автоматизация производства, информатика и всеобщая организационная наука.

В подкрепляющих социальную утопию научно-технических прогнозах Богданова особое место занял межпланетный корабль-«этеронеф» с атомным двигателем, привлечший внимание российских инженеров-авиаторов**. Среди последних был и дирижаблестроитель, сотрудник ЦАГИ и Наркомата иностранных дел Морис Лейтейзен (1897–1939), мальчиком одним из первых прочитавший «Красную звезду», которую Богданов начал писать, скрываясь на конспиративной даче отца Мориса, врача социал-демократа Г. Лейтейзена-Линдова. В 1924 году М. Г. Лейтезен как один из организаторов и секретарь Общества междупланетных сообщений вел переписку с К. Э. Циолковским, в связи с чем обсуждал проблему космических двигателей с А. А. Богдановым***.

«Космизм» Богданова через открытие повторяемости «организационных типов на разных ступенях бытия»**** был связан с «гносеологическим социал-демократизмом», выраженным во втором романе Богданова «Инженер Мэнни». Неравенству в принятии решений вследствие «разъединенности науки» и обреченности массовых исполнителей «*не знать, а только верить*»***** не должно быть места в преобразованиях, судьбоносных для человеческих коллективов. В этом — социальный (социалистический) пафос всеобщей организационной науки и выдвинутого тогда же Богдановым проекта «Рабочая энциклопедия» как основе «пролетарской культуры».

* Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 142.

** Сборник памяти Л. М. Мацневича. СПб., 1910. С. 17; Рынин Н. А. Техника и фантазия // В бой за технику. 1934. № 8. С. 22.

*** Письмо второе М. Г. Лейтезена К. Э. Циолковскому 4 мая 1924 г. // Архив РАН. Архив К. Э. Циолковского. Оп. 4. Д. 356. С. 8–9.

**** Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. I. СПб., 1913. С. 24.

***** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 241.

Первая страница «Инженера Мэнни» показывает, что Богданов уже тогда понимал общечеловеческую угрозу возможного военного применения атомной энергии*. Он прямо писал об этом уже и как политэконом и публицист в 1917 году, имея за плечами фронтовой опыт младшего полкового врача русской армии в мировой войне**. Столкновение с «проклятием Каина с Авелем» и увиденное стихийное «равнение по низшему» солдатско-офицерской толпы*** так потрясли профессионального психиатра, что пришлось лечиться в Москве в клинике нервных болезней. После фронта и демобилизации много лет Богданова не отпускали приступы стенокардии; он решил оставить политику, но упорно продолжать разработку всеобщей организационной науки **тектологии** как «дела жизни», ибо «мировая война и мировая революция поставили ясно дилемму: преодоление анархии социальных сил и интересов или распад цивилизации»****.

Второй том «Тектологии» — «Механизм расхождения и дезорганизации» Богданов в 1917 году издал за свой счет, сознавая «коммерческую нелепость» этого «идейно необходимого дела»*****. В весенние и осенние месяцы того багряного года Богданов критиковал «ленинизм» и прочие «максимализмы», подавшиеся «атмосфере миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление». Богданов первым критически проанализировал «военный коммунизм» и ввел самый термин; Скворцов-Степанов отказался

* Там же. С. 204 («...если бы открытия науки о строении материи стали теперь известны на Земле, то у милитаризма враждебных друг другу наций оказались бы в руках истребительные орудия невиданной силы, и вся планета в несколько месяцев была бы опустошена»).

** Фаддеев Т. Жизнь на крови. Воспоминания о войне. 1914–1915 годы. М., 2014. С. 27–28.

*** «Солдатики, при сочувствии большинства офицеров, с огромной затратой сил и с диким наслаждением всячески оскверняли все помещичьи и крестьянские дома, магазины, госпитали, все полезные и удобные помещения, в результате чего сами должны были квартирно довольствоваться сараями и хлевами» [Богданов А. А. Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник МИАБ. 2005. № 2(22). С. 27].

**** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. М., 2019. С. 90.

***** Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. II // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 353.

включить главу о «военно-экономических формациях» в написанное в соавторстве первое издание второго тома «Курса политической экономии» в 1918 году*.

Но в революционной России, провозгласившей себя республикой, а после «военно-коммунистической революции» Ленина** «Республикой Советов», возник Пролеткульт. Во главе его встали бывшие участники группы «Вперед» и парижской «Лиги пролетарской культуры». Луначарский, вернувшийся в партию в канун Октябрьского переворота и после него вошедший в правительство как нарком просвещения, энергично поддерживал Пролеткульт. Богданов, не скрывавший разногласий с большевиками, от возвращения в партию и «любого поста» в Наркомате просвещения отказался. Но в деятельность Пролеткульта включился охотно, так как ведь это была трибуна для пропаганды «всеобщей организационной науки». Но именно это и стало роковым и для тектолога, и для организации.

Пролеткульт активно просуществовал всего 3 года, а его критика растянулась на целое столетие. «Те, кто поверхностно соприкоснулся с тем, что тогда творилось в стенах Пролеткульта, слишком поспешно заклеямили его работу варваризмом и посягательством на что-то и на кого-то. Это нелепый вздор», — писал известный режиссер и актер Александр Мгебров***. Да то, что программа Пролеткульта состояла в отрицании наследия прошлого, — нелепый вздор. Это осудили и Богданов****, и делегаты Всероссийской конференции Пролеткульта, которым Богданов перед своим докладом «Пролетариат и искусство» раздал копии снимков наскальных изображений Альтамирской пещеры, озвучив идею *сотрудничества поколений* — «все работники, все передовые борцы прошлого — наши товарищи, к каким бы классам они ни принадлежали»*****. Но Ленин не хотел усиления идейного влияния хотя бы и политически лояльного Богданова и в новобольше-

* Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. 3-е изд. М.; Л., 1925. С. 5.

** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 348.

*** Мгебров А. А. Жизнь в театре. Кн. 2. М.; Л., 1932. С. 332.

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 449, 473.

***** Там же. С. 425.

вистском журнале «Просвещение» появились критические статьи о богдановских экономических учебниках*.

Единственным из молодых большевиков, питавшим «еретическую склонность» к философии Богданова, был главный редактор партийной газеты «Правда» Н. Бухарин. Но он благоговел перед Лениным-политиком и написал резкую рецензию на порицавшую «военный коммунизм» книгу Богданова «Вопросы социализма»**. Сам предсовнаркома Ульянов-Ленин тогда утверждал, что не знает ни одного сочинения о социалистическом обществе, «где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»***. Это была ложь, так как именно данную «конкретную практическую трудность» ставил во главу Богданов и в своей концепции «пролетарской культуры», и в «Тектологии», и в разруганных Лениным романе «Инженер Мэнни» и книге «Вопросы социализма»!

Но Ленин решил, что его удержанной в кровопролитной Гражданской войне власти не нужна «выдумка новой Пролеткультуры», и вместе с Г. Зиновьевым начеркал разное «Письмо ЦК РКП(б) о Пролеткультурах», а также распорядился переиздать «Материализм и эмпириокритицизм», снабдив его нелепой статьей В. Невского (Кривобокова), якобы убедившегося в том, что под «видом “пролетарской культуры”» проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения****. Ярлык «буржуазные и реакционные воззрения» относился к переизданной книге «Философия живого опыта», где на паре страниц Богданов отстаивал преимущества эмпириомонизма над диалектическим материализмом, и к «Тектологии», заключительная третья часть которой впервые появилась на страницах журнала «Пролетарская культура».

* Павлов В. (Милютин В.). О некоторых чертах философии А. Богданова // Просвещение. 1914. № 2; Корсов С. (Каменев Л.) Рец. на кн.: Богданов А. Введение в политическую экономию в вопросах и ответах // Просвещение. 1914. № 3.

** Коммунист. 1919. № 3. С. 19.

*** Ленин В. И. ПСС. Т. 36. М., 1969. С. 382.

**** Там же. Т. 18. М., 1968. С. 12.

Богданову пришлось уйти из Пролеткульта, а основанный Лениным и Троцким философский журнал «Под знаменем марксизма» («Под могильной плитой Маркса», как грустно шутил Богданов) и другие партийные издания повели борьбу с «богдановщиной», особенно разнузданную после кратковременного ареста Богданова ГПУ осенью 1923 года в связи с использованием оппозиционной молодежной группкой «Рабочая правда» некоторых терминов Богданова для критики партийно-советской бюрократизации*. Хотя «Тектология» была переиздана в 1920-е годы дважды, а экономические учебники Богданова и его романы — многократно, над ним повис «антимарксистский» жупел. Это было настолько серьезно, что даже явно марксистская постановка Скворцовым-Степановым вопроса о политэкономии в широком смысле была отвергнута в Комкадемии за то, что ее поддерживал Богданов.

Богданов, запечатлевший переживания от увиденных во время мировой и Гражданской войн «потоков крови» и «гибельного разорения»** в поэме «Марсиянин, заброшенный на Землю», сознавал, что частью «трагической судьбы марксизма» будет судьба его собственного затертого вклада в марксизм. Но принял стоическую позу Спинозы, которого «замечательно не понимали в его поколении»***.

Печальная судьба планомерности

К разработке тектологии как «науки о планомерных комбинациях мировой практики и познания» Богданов приступал в марксистском убеждении, что в социалистическом хозяйстве «планомерность» должна заменить стихийность рынков и частного предпринимательства. Но «организационный анализ» структурных сдвигов в крупной промышленности и «мирового военного кризиса» привел Богданова к выводу об упрощенном характере представлений об *уже готовых* «предпосылках» для хозяйственной планомерности, вызревших на стадии финансового капитала и в рамках военного «го-

* Биггарт Дж. Александр Богданов и теория «нового класса» // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 145–148.

** Богданов А. А. Предисловие // Лихтенштадт В. О. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Пг., 1920.

*** Богданов А. А. Пределы научности рассуждения // Вестник Коммунистической академии. 1927. Вып. 21.

сударственно-монополистического капитализма» (ГМК), как полагали школа Р. Гильфердинга. Ленин, любивший пенять на «эклектицизм» своих оппонентов, сам крайне эклектично представлял в 1917–1918 годах «социализм» как следующую «ступеньку» за ГМК: Советская власть плюс опыт германского военно-государственного распределения ресурсов и продуктов плюс американская рационализация труда (тейлоризм)*. Или: советская власть плюс «прусская железнодорожная система + американская организация трестов + американское народное образование и т. д. и т. п.»**. После захвата власти большевики учредили для централизованного управления Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ). Его руководство вместе с Лениным полагало, что «при социалистической диктатуре вообще не должно быть отдельных предприятий, хотя бы и государственных; есть только технические производственные единицы, частицы единого общественного хозяйства»***, а советская власть может наполнить «пролетарским классовым содержанием» формы германского военно-государственного капитализма****. В действительности подобное «наполнение» свелось к хозяйственной разрухе и к тому, что «колоссальная доля прибавочной стоимости усваивалась стадами служащих в главках и центрах», по выражению известного экономиста-аграрника и утописта А. Чайнова*****.

На исходе «военного коммунизма» в Москве состоялась Первая Всероссийская инициативная конференция по научной организации труда и производства, где были отвергнуты тейлористские крайности организатора Центрального института труда и активного пролеткультовца А. Гастева, а Богданов в прениях прямо противопоставил тейлоризм и будущую «научную организацию труда» (НОТ). Но в своем докладе сосредоточился на другом: значении для хозяйственной плановости универсальных организационных закономерностей подвижного равновесия, цепной связи и слабого звена. Хотя знаток западного

* Ленин В. И. ПСС. Т. 27. М., 1969. С. 425; Там же. Т. 28. М., 1962. С. 134.

** Там же. Т. 36. С. 550.

*** Осинский Н. Строительство социализма. М., 1918. С. 54.

**** Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии. М.; Л., 1928. С. 5–6.

***** Чайнов А. В. Избранные повести. М., 1989. С. 100.

опыта рационализации труда О. Ерманский посчитал подход Богданова слишком абстрактным, видный статистик и зампред только основанного Госплана С. Струмилин нашел, что Богданов убедительно показал, как абстрактная организационная наука может быть приложена к важнейшему хозяйственному вопросу*. Организатор же Центрального научно-технического клуба профсоюзов журналист С. Раецкий провозгласил, что «интеграция личности пойдет через организаторский тип», а «Всеобщая организационная наука» Богданова должна быть настольной книгой каждого советского работника**.

Однако инспирированное Лениным наступление на «богдановщину» отсекло от советских работников «Тектологию», ее автор был лишен возможности публиковать в советской печати свои оценки новых социально-экономических сдвигов. Отсутствие таких оценок стало условием переиздания «Краткого курса экономической науки» [решение принималось на Политбюро ЦК ВКП(б), причем Ленин выразил недовольство тем, что в учебнике Богданова нет упоминания о «диктатуре пролетариата»]. Зато в созданном Госплане, возглавленном председателем Комиссии ГОЭЛРО Г. М. Кржижановским, зампредом стал видный статистик В. Г. Громан, под начало которого был принят на службу прошедший «белую» и «красную» тюрьмы В. А. Базаров. Группа непартийных экономистов Госплана СССР во главе с Громаном и Базаровым с самого начала положила в основу плановой методологии тектологические принципы *цепной связи*, *подвижного равновесия* и «лимитов» (*минимумов*, «слабых звеньев», «узких мест»). Базаров стал одной из центральных фигур в развернувшихся жарких дебатах о методах построения народнохозяйственных планов и темпах индустриализации страны в условиях нэповской экономики.

Базаров исходил из того, что основной предпосылкой успешности советского планирования, диктуемой *внутренней структурой* промышленности, является нэп, т. е. наличие рынка и связанного с последним *хозрасчета****. И возрожденный после «военного коммунизма» рынок, с одной стороны,

* Труды первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. Вып. I. М., 1921.

** Там же. Вып. VI. С. 16.

*** Базаров В. А. Избранные произведения: В 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 312–313, 334.

и используемое теперь плановое начало — с другой, наталкивались на различные минимумы связанных элементов хозяйственного процесса. Таковыми были, например, недостаток на рынке предметов неэластичного потребления или недостаток платежеспособности, из-за чего возникала «атмосфера товарного голода или кризиса сбыта»*; недостаток непосредственного учета многих элементов общественной продукции и народного дохода, о которых приходилось судить по мало точным и ненадежным показателям; «конечное звено» вольного, т. е. неопределенно изменчивого рыночного спроса в цепной связи перспективных заявок при планировании**. К числу важнейших лимитов при планировании социалистической реконструкции Базаров относил недопустимость чрезмерного сжатия потребления широких масс населения (ниже норм капиталистического хозяйства)***, а также «скороспелое» формальное обобществление и чрезмерное капитальное строительство, деформирующие структуру производительных сил****.

В цикле статей 1924—1928 годов Базаров обосновал концепцию индустриализации СССР: плавный рост с темпами, запроектированными на основе экстраполяции существующих экономических тенденций; соразмерность в развитии отраслей сельского хозяйства, легкой и тяжелой промышленности; оптимизация нормы накопления при возможно меньших затратах на капитальное строительство. «Узкие места» в поставленной задаче определялись ограничениями оперативного воздействия государства на преимущественно мелкотоварное и инерционное сельское хозяйство и хозрасчетной заинтересованностью промышленных предприятий. В работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс народного хозяйства СССР» (1928) Базаров, узнавший от Богданова о применении австралийским биохимиком Т. Б. Робертсоном для характеристики общих законов биологического роста S-образной логистической кривой, применил ее для моделирования экономического роста.

Вводя в плановую методологию предложенное американским социологом-позитивистом Л. Ф. Уордом (1841—1913) проти-

* Там же. Т. 1. С. 304.

** Там же. Т. 2. С. 21.

*** Там же. Т. 1. С. 429.

**** Там же. Т. 2. С. 321.

вопоставление «генетических» (стихийных) и «телеологических» (направляемых) общественных процессов, В. А. Базаров ставил организационную задачу сочетания «генетического» (рыночно-прогнозного, хозрасчетного) и «телеологического» (планово-целевого, директивного) подходов, чтобы достигнуть «оптимальных результатов с наличным запасом сил и средств». Его синтезная «планово-рыночная» концепция индустриализации предлагала рациональную очередность создания импортозамещающих производств и сохранение «основных элементов нэпа в интересах самого планового хозяйства»; предостерегала от поверхностной крупнопромышленной экспансии, пренебрегающей благосостоянием населения.

В других концепциях индустриализации превалировал либо «генетический» элемент (критик Госплана, директор Конъюнктурного института при Наркомате финансов СССР Н. Кондратьев), либо «телеологический» (партийные экономисты Госплана во главе с С. Струмилиным). Именно последний вариант с приоритетом жестких заданий-предуказаний и подхлестыванием темпов лихорадочного индустриального строительства предпочли И. Сталин и его окружение. Струмилину посчитал, что «лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие», а противники «телеологического» варианта угодили за решетку, обвиненные во вредительстве, связях с контрреволюционной эмиграцией и подготовке интервенции.

Считавшийся после смерти В. Ульянова-Ленина главным идеологом ВКП(б) Н. Бухарин, вместе со Сталиным выдвинувший формулу «построение социализма в одной стране», теперь выступил против Сталина и «формулы, которая говорит — максимум вложений в тяжелую индустрию». Бухарин, неоднократно хуливший Богданова, был все же единственным из партийных «вождей», высоко ценившим тектологию и ее творца. В статье «Заметки экономиста» в редактируемой им газете «Правда» 28 сентября 1928 года Бухарин отстаивал план, который определил бы и обеспечил условия «подвижного экономического равновесия» как между промышленностью и сельским хозяйством, так и в рамках самого промышленного сектора*. При наличных трудностях с хлебозаготовками увеличение капиталовложений в промышленные новостройки должно неизбежно привести к дальнейшей нехватке продовольствия

* Бухарин Н. И. Заметки экономиста // Правда. 1928. № 228. 30 сентября. С. 2–3.

и отставанию промышленности уже от собственных возросших потребностей с последствиями в виде многочисленных «узких мест» и обострения дефицита материалов.

За протест против «сверхиндустриализации» и «размычки» между промышленным городом и крестьянской деревней Бухарин поплатился руководящими постами и обвинениями в том, что он «правый уклонист». Но этим дело не кончилось. Были опубликованы старые замечания Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Полное одобрение Лениным бухаринской апологии «военного коммунизма» и «превосходной главы» о «внеэкономическом принуждении в переходный период» никого не смутило*. А вот небрежное замечание, что Бухарин «по-детски» взял три термина из статьи Богданова «О тенденциях пролетарской культуры» (полемика с тейлористом Гастевым) и не подумал, что эти термины «фундированы» богдановской «философией идеализма и эклектицизма**», было воспринято как вердикт Бухарину: «недиалектик, богдановец».

Никто в условиях сложившегося культа Ленина не заглянул в статью Богданова «О тенденциях пролетарской культуры», дабы убедиться, что в заимствованных из нее Бухариным терминах «планомерная организация», «регулирование» и «нормировка» ничуть не больше «идеализма и эклектицизма», чем в терминах «электрификация» и «темпы роста». «Регулирование» — лишь упорядочение того, что делается, внесение правильности в идущий процесс работы. «Нормировка» — регулирование по шаблонам, например, предписание рабочим жестко определенного дневного задания («урока»). А «планомерная организация» — «инициативно-творческая сторона процесса», комбинирование данных опыта в «цельную действенную группировку». Именно эта сторона является по преимуществу человеческой, в меньшей степени может передаваться механизму, больше всего зависит от культуры работника — «от суммы его опыта и знания, от навыка в применении методов». Напротив, сторона регулятивная, особенно регулирование по нормам, по шаблонам, несравненно меньше связана с этими условиями и путем технического упрощения, дробления на отдельные операции и т. д. доводится в массе случаев до такой

* См.: Гловели Г. Д. Ленинизм, «термины тов. А. Богданова» и философ Ильяенков как апологет сталинской экономики «разрушения равновесия». Часть I // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2.

** XI Ленинский сборник. М., 1929. С. 402.

элементарности, что передается неквалифицированному работнику и машине*.

Впрочем, даже если бы кто-то и заглянул, открыто не согласиться с мавзолейным «вечно живым» было уже нельзя, так же как с Марксом и Энгельсом. Богданов в последние годы жизни подвергался систематической травле, но не рисковал свободой, когда критиковал в последнем докладе в Комакадемии понимание Энгельсом границ между естественными науками. Директор Института биофизики П. П. Лазарев, в 1917 году первым из российских академиков поддержавший власть большевиков, в 1929 году был арестован по доносу за критику математической ошибки Энгельса.

В. А. Базаров, В. Г. Громан вместе с другими сторонниками сохранения «подвижного равновесия» и учета «узких мест» после «великого перелома» форсированной индустриализации и сплошной коллективизации были арестованы по сфабрикованному делу «Союзного бюро РСДРП (меньшевиков)». По еще одному сфабрикованному делу — «Трудовой крестьянской партии» были арестованы экономисты из наркоматов земледелия и финансов, протестовавшие против разрушения стоимостных пропорций в народном хозяйстве в ущерб крестьянству, — Н. Д. Кондратьев, Н. П. Огановский и другие. В печать хлынула волна статей, требовавших «нарушения и разрушения равновесия во имя революционной целесообразности» и громивших «госплановских вредителей» и «механистическую теорию равновесия Богданова — Бухарина», а также любые экономические суждения с использованием понятия «равновесие». В эту травлю поспешил включиться и травивший Богданова все 1920-е годы журнал «Под знаменем марксизма». Сын главного редактора журнала Деборина в своей статье обрушился на «синклит» Базарова, Громана, Кондратьева, Огановского за проведение *принципа равновесия* при построении перспективного народнохозяйственного плана и за то, приковывая развитие советского хозяйства к действию *закона стоимости*, они «совместными дружными усилиями пытаются увековечить техническую отсталость СССР»**.

* Богданов А. А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9/10. С. 47–48.

** Деборин Гр. Политическая экономия вредительства // Под знаменем марксизма. 1930. № 9. С. 57–58.

На допросах в НКВД Громан признал, что он сам и Базаров, «следуя А. А. Богданову», являются «действительными авторами выдвинутой Н. И. Бухариным теории равнения на узкие места». И дал обширные показания о своей «виновности» — «членстве» в контрреволюционной организации, готовившей якобы политический переворот с целью свержения соввласти*. В. А. Базаров вел себя иначе, став одним из немногих, от кого не смогли добиться ложных «признаний». Не отрицая разногласий с правящей партией большевиков, друг Богданова оговаривать себя и других не стал, заявив, что считает «теоретическое обсуждение всех вопросов политики и экономики принципиально допустимым... это обсуждение не может быть запрещено любому советскому гражданину, какой бы ни была его политическая биография»**.

Базаров был приговорен к ссылке в Поволжье, а по возвращении зарабатывал на жизнь переводами европейской литературы, публикуемыми под фамилией его жены. Он умер от астмы, течение которой когда-то замедлила операция в богдановском Институте переливания крови; его изображение было заретушировано на известной фотографии шахматной партии между Богдановым и Лениным на о. Капри.

В 1937 году был арестован и объявлен «врагом народа» Н. Бухарин. При изобличении «реакционно-буржуазной сущности философских писаний» Бухарина в журнале «Под знаменем марксизма» (1937, № 7) особо подчеркивалось, что «эклектик» являлся «верным учеником махиста Богданова». И. Сталин считал Богданова «очень авторитетным в политэкономии», но «чуждым всей политике революции»***. Первый опыт Сталина в «теории» социализма — брошюра «Анархизм или социализм?» содержит принципиальное положение, явно навеянное разделом «Социалистическое общество» богдановского «Краткого курса экономической науки»: «Социалистическому обществу необходимо будет центральное статистическое бюро, которое должно собирать сведения о потребностях всего общества и затем соответственно распределять различную работу между трудящимися»****. В теории Сталин недалеко

* Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. документов. М., 1999. С. 333.

** Там же. С. 52–53.

*** Чувев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 217.

**** Сталин И. Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 336.

ушел от такого понимания «хозяйственной планомерности». Зато на практике хорошо усвоил уроки ленинского «якобинства»: «беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по принципу крупной машинной индустрии»*; мобилизация *всех* без изъятия инженеров по правилу: «исполнишь — премия, не исполнишь — тюрьма»**; «*карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро за злоупотребления новой экономической политикой*»***; «мы еще вернемся к террору, и в том числе к террору экономическому»**** и т. п. Центральное статистическое бюро (или управление), конечно, было атрибутом советской планомерности, однако не только для подсчетов, но и для фальсификации показателей выполнения планов, а «ленинские принципы» мобилизации инженеров Сталин довел до «шараг» (внеэкономического принуждения к высокоинтеллектуальному труду).

«Планомерность», воплощенная в годы «сталинских пятилеток», соответствовала одному из идеалов социальных групп, описанных А. А. Богдановым накануне 1917 года, — «бюрократическому социализму»: «производство и распределение, организованное иерархией чиновников с патриархально-моральной монархической властью во главе». В осмыслении судеб «социализма» как «организационной задачи» эта формулировка пролегает между анализом «культурной линии государственного норматизма в рабочем движении» в последних экономических тезисах Богданова, оставшихся в его письменном столе и увидевших свет лишь в 1990-е годы, и мрачным предостережением «Красной звезды», на которое в СССР обратили внимание лишь после реабилитации Н. Бухарина***** и признания того, что итоги всех пятилетних планов были фальсифицированы: «даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом»*****.

* Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 200.

** Там же. Т. 52. С. 38.

*** Там же. Т. 44. С. 398.

**** Там же. С. 429.

***** Дорощев В. Оппонент, или Пояснительная записка к речи Н. И. Бухарина на одной из гражданских панихид 1928 года // Литературная газета. 1988. № 49 (7 декабря).

***** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 184.

Лучи признания

Вскоре после смерти Богданова и присвоения его имени Институту переливания крови Большая медицинская энциклопедия отмечала: «Всесторонне образованный человек, яркая интеллектуальная и волевая личность, блестящий популяризатор, Богданов оставил глубокий след в развитии русской общественной мысли»*. В 1937 году имя основателя из названия Института переливания крови исчезло, а энциклопедические оценки «глубокого следа» Богданова «в развитии русской общественной мысли» свелись к вердиктам из лживой книжонки 1937 года: «...ревизионист, активно боролся против марксизма... Диалектике, как учению о борьбе противоположностей, он противопоставлял т. н. организационную науку о гармонии и примирении противоположностей, служащую для обоснования примирения классов, отказа от классовой борьбы... богдановский “закон трудовых затрат” был использован врагом народа Бухариным для “обоснования” капитулянтской “теории равновесия секторов” в советской экономике, сохранения в народном хозяйстве СССР старых пропорций, бывших при капитализме, что являлось идеологич[еским] прикрытием контрреволюционной деятельности правотроцкистских реставраторов капитализма... Немалый вред принес Б. и как проповедник нигилистической теории Пролеткульта»**.

Когда в конце 1940-х годов на Западе появилась кибернетика, некоторые карьеристы в СССР заметили сходство ее отдельных обобщений с «избитыми идейками» Богданова, что послужило дополнительным поводом для борьбы с «буржуазной лженаукой». А вот скорое шараханье в противоположную крайность — лозунг «Кибернетику — на службу коммунизму!» не вывел системное наследие Богданова из-под спуда, хотя к этому призывал президент Польской академии наук Т. Котарбиньский, рассматривавший Богданова как одного из основателей развиваемой самим Котарбиньским и его учениками *праксеологии*, поскольку тектологическая проблематика «по сути, отождествляется с общей теорией эффективного действия»***. Частный пример праксеологии — соответствие

* Большая медицинская энциклопедия. Т. 3. М., 1928. Стлб. 598.

** Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 5. М., 1951. С. 343—344.

*** Котарбиньский Т. Развитие праксеологии // Польское обозрение. 1962. № 12.

«закона наименьших» Богданова методу «сетевого» планирования и организации работ PERT («Programme Evaluation Review Technique») в стратегическом менеджменте*.

Более широкая постановка вопроса об общих элементах тектологии, кибернетики и общей теории систем была впервые дана М. И. Сетровым. Он особо подчеркивал, что Богданов в понятии «биорегулятор» не только фактически сформулировал принцип обратной связи, но и иллюстрировал его теми же примерами, что один из основателей кибернетики У. Росс Эшби**. Предвосхищение Богдановым «общей теории систем» и кибернетики стали отмечать и другие советские авторы***. Обширная статья биолога-систематика академика А. Л. Тахтаджяна не только емко изложила основные идеи тектологии и сравнила ее (в пользу концепции А. А. Богданова) с общей теорией систем Л. фон Берталанфи, но и обогатила новыми категориями: подсистема, ограничение разнообразия, гетерогенные и гомогенные системы, матричный и эмергентный отбор, триггерный эффект, принцип гетеробатмии (внутри-системной структурной разноступенчатости) и т. д. Тахтаджян привлек также внимание к забытой статье классика кристаллографии Е. С. Федорова «Перфекционизм» (1906) и работе самобытного физиолога-философа Н. А. Белова «Учение о внутренней секреции органов и тканей и его значение в современной медицине» (1911), рассматривая этих авторов как предшественников тектологии****. «Радикальный пересмотр» отношения к тектологии проявился в посвященной ей статье в «Философской энциклопедии», написанной сыном Богданова, биологом-генетиком А. А. Малиновским.

В это же время на Западе возрос интерес к Богданову в русле «советологических» исследований, появились первые биогра-

* Przelaskowski W. Ekonomiczne problemy tektologii A. Bogdanowa // Studia ekonomiczne. 1968. № 20. S. 147–166.

** Сетров М. И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 8. Л., 1967.

*** Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969.

**** Тахтаджян А. Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. 1971. М., 1972.

фия* и библиография**. В СССР возродился интерес к роману «Красная звезда», созвучному эпохе проникновения в космос и богатому научно-техническими предвидениями, хотя сомнительному в трактовке семейных и нравственно-психологических проблем***. «Материалисты-диалектики» мешали возрождению тектологии, но уже появились ее оценки как одной из обобщающих концепций, составляющих гордость русской науки, таких как таблица Д. Менделеева, биогеохимия В. Вернадского, теория биоценозов****. Воздавали должное Богданову как своему предшественнику советские ученые, работавшие собственные, более изощренные варианты общей теории систем (А. И. Уемов, Ю. А. Урманцев).

На Западе наибольший энтузиазм в отношении к «Тектологии» проявил тогда переводчик ее сжатого варианта на английский язык канадец Дж. Горелик*****. Его коллега по Университету Британской Колумбии Р. Маттесич выразил недоумение по поводу «упорного молчания» Л. фон Берталанфи об А. Богданове и одновременно включил концепции обоих ученых в контекст холистической и структуралистской гуманитарной мысли XX века*****.

«Трагедии богдановской идеи» посвятил большую статью эмигрировавший из СССР доктор философских наук И. Яхот, специалист по социальной статистике. Говоря о влиянии Богданова на синтезную теорию планирования Базарова и НОТ, Яхот вспоминал о своей встрече с ветераном советской политекономии и статистики Струмилиным, которого спросил о первой Всероссийской инициативной конференции по НОТ. По словам Яхота, Струмилин ответил примерно следующее:

* Grille D. Lenins Rivale. Bogdanov und seine Philosophie. Koln, 1966.

** Yassour A. Bogdanov et son oeuvre // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1969. № 3–4.

*** Рюриков Ю. Богданов // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1961; Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970.

**** Моисеев Н. Н. Люди и кибернетика. М., 1984.

***** Bogdanov A. Essays in Tektology. The General Science of Organization / transl. by G. Gorelik. Seaside (California), 1980; Gorelik G. Bogdanov's Tektologiya, General Systems Theory and Cybernetics // Cybernetics and Systems: An International Journal. Vol. 18. 1987.

***** Mattessich R. Instrumental Reasoning and System Methodology. Dordrecht, 1978. P. 283–285.

«Хорошо помню ту конференцию и доклад Богданова. Это был великий ученый и прекрасный человек. Его тектология живет сейчас в кибернетике. Жаль, что его судьба сложилась так трагично»*. В монографии «Подавление философии в СССР» (1981) Яхот также уделил серьезное внимание Богданову, называя его «одним из интереснейших мыслителей XX века», смотревшим на десятилетия вперед**.

В политико-философском и социологическом контексте организационные идеи Богданова были рассмотрены в исследованиях финна И. Сусилуото*** и американки З. Сохор****. Глубокое исследование социальной философии Богданова как оригинального направления марксизма начал профессор университета Глазго Дж. Уайт*****, недавно закончивший наиболее полную на сегодняшний день биографию Богданова*****. Обстоятельную «Реконструкцию теории организации А. Богданова» как «сигнального труда системной парадигмы» предпринял праксеолог К. Перехуда*****.

Известный системолог М. Зелены, занимаясь изучением «потерянных парадигм» системного анализа, посвятил в «Международном журнале по системным обобщениям» статью и тектологии, причем тектологическую картину дополнительных соотношений между биосферой и другими оболочками Земли Зелены расценил как предвосхищение завоевавшей

* Яхот И. Гибель тектологии Богданова — предшественницы кибернетики и системной теории // СССР: внутренние противоречия. Вып. 3. N. Y., 1982.

** Яхот И. Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 102.

*** Susiluoto I. The origins and development of systems thinking in the Soviet Union. Political and philosophical controversies from Bogdanov to present-day re-evaluations. Helsinki, 1982.

**** Sochor Z. Revolution and Culture: the Bogdanov — Lenin Controversy. Ithica and London, 1988.

***** White J. The first Pravda and the Russian Marxist tradition // Soviet Studies. 1974. № 2; White J. From Karl Marx to Bogdanov // Co-existence. 1978. Vol. 15.

***** White J. Red Hamlet: the life and ideas of Alexander Bogdanov. Brille, 2019.

***** Perechuda K. Rekonstrukcja tektologicznej teorii organizacji A. Bogdanowa // Prakseologia. 1984. № 91—92.

популярность в последней четверти XX века «гипотезы Геи» Дж. Лавлока*.

Впрочем, нельзя не отметить, что на Западе появлялись оценки и иного рода. Так, например, на пике «звездно-военного» антикоммунизма президента Рейгана вышла пухлая книга «Другие большевики. Ленин и его критики. 1904–1914». Автор проводил трактовку предпосылок сталинизма в СССР как двух слагаемых: «якобинской традиции» Ленина, основанной на конспирации, авангардной партии, организационной иерархии и индивидуальном лидерстве, и «мифотворческого синдикализма» Богданова, Луначарского и Горького — «других большевиков», рассматривающих коллективистскую идеологию как социально-мобилизующий миф**.

Тенденциозность и передержки этой книжки отметил британский историк Джон Биггарт, позднее организовавший в Университете Восточной Англии в Норидже международную конференцию «Александр Богданов и происхождение системного мышления в России*** и издание полной библиографии А. А. Богданова****. Биггарт принял участие в международных конференциях «А. А. Богданов (Малиновский) — революционер и мыслитель», организованной академическими институтами российской истории, философии и экономики в Москве в 1989 году, а также «Организационная динамика человеческой деятельности»*****, организованной Международным институтом Александра Богданова (МИАБ)***** в 2003 году. Два переиздания «Тектологии» — четвертое и пятое издания — совпали с упомянутыми конференциями.

* Zeleny M. Tectologiya // International Journal of General Systems. Vol. 14. 1988. С. 335.

** Williams R. The other Bolsheviks: Lenin and his critics. 1904–1914. Bloomington, 1986.

*** Biggart J., Dudley P., King F., eds. Alexander Bogdanov and the Origins of Systems Thinking in Russia. Aldershot, 1998.

**** Biggart J., Gloveli G., Yassour A. Bogdanov and His Work: a guide to the published and unpublished works of Alexander A. Bogdanov (Malinovsky), 1873–1928. Ashgate, 1998.

***** Организационная динамика человеческой деятельности: экономика, философия, культура // Вестник МИАБ. 2003. № 3(15).

***** МИАБ был организован в Екатеринбурге и Москве В. В. Попковым в 1999 году.

Однако это «возрождение» всеобщей организационной науки пришлось на время глубочайшего разочарования в «организованных системах», «научном управлении обществом», плановой экономике, социализме, классовом подходе, пролетариате, революционной традиции и т. д. Спираль трагедии А. Богданова вышла на новый виток. Рухнул советский режим, «идеологическая основа» которого — ферула «марксизма-ленинизма» подразумевала хулу на идеи Богданова и их отторжение. Но сами идеи Богданова коренятся в отринутых после 1991 года традициях европейского социализма (включая марксизм) и русской революционности, хотя размышления о военном времени привели текстолога к негативной оценке в 1917 году «ленинизма» как формы опасного «военно-коммунистического» максимализма — «источника авантюр и жестоких поражений»*.

Первыми приложениями всеобщей организационной науки, как подчеркивал сам Богданов, были его учебники по политической экономии и «краткий курс идеологической науки» — «Наука об общественном сознании». Вместе они представляли собой интегральную концепцию эволюции форм общественного бытия и общественного сознания с принципиальным для Богданова подходом: «идеологии», т. е. формы общественного сознания (от обыденной речи до естествознания), будучи «генетически вторичными», производными от производительных сил и классовых отношений (техники и экономики), оказывают активное обратное воздействие. Богданов утверждал, что организационная точка зрения «сравнительно легко» объясняет «идеологическую сторону жизни». Но на деле эта «легкость» может обернуться вульгаризациями и превратными формами.

Лингвист М. Арапов, воздавая должное исключительной разносторонности и прогностическому дару Богданова, узрел в его романах опрокинутую социальную матрицу русской левой интеллигенции**. Богданов в коллективном опыте человечества, закреплённом в формах общественного сознания, увидел исторический фактор, альтернативный по отношению к насилию. И возможность выбора между авторитарным путем и «монистическим» путем, основанным на объединении, сплавлении опыта людей, «товарищеском обмене не только в идейном, но

* Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 94.

** Арапов М. В. Язык утопии // Знание — сила. 1990. № 2. С. 68, 72.

и в физиологическом существовании»*. (Добавим, что сплавляя марксизм с позитивизмом нового этапа, Богданов, не подозревая того, воспроизводил в «пролетарской» оболочке идеи родоначальника позитивизма А. Сен-Симона о смене военно-теократического общества научно-промышленным, или «физико-политическим»**.) Но монистическая классовая утопия породила мрачную тень — «казенную феню», которая стала для широких слоев общества «духовным ярмом» («идиотологией», как зло выражался крестьянский писатель В. Наседкин) и которая лишила саму левую интеллигенцию, создававшую «язык утопии», возможности сопротивления. «Благороднейшая идея Богданова» — преодоление классовых противоречий через духовное слияние всего человечества посредством монизма науки «в какой-то момент логично потребовала временного расщепления единой Вселенной на мир отрицаемый, протараненный, но пока реальный, и сияющий, очищенный от всякой нечисти мир единения человеческих душ — пока нереальный. Любое из понятий «высшего ряда», даже если снабдить его одобряющей печатью (вроде эпитета *пролетарский* при гуманизме), было для этого утопического мира слишком противоречивым; гораздо лучше такие понятия раз и навсегда припечатать печатью отрицающей — буржуазный»***.

И еще одна сторона трагедии Богданова, чьи «пролетарски классовые» воззрения при режиме «диктатуры пролетариата» получили ярлык «буржуазных», — ему не хватало научного диалога, которого не могли заменить «живые беседы» с рабочими в Туле, на Капри или в московском Пролеткульте и которого тщетно было бы ждать от «плехановской ортодоксии» или сикофантов «ленинизма». Но у Богданова не завязалось диалога и с профессиональными учеными, даже с теми, кто обратил внимание на его отдельные работы, например, профессор географии Л. С. Берг или молодой психолог А. Р. Лурия. Видимо, сказалась категоричность суждений Богданова в отношении «цеховой» психологии специалистов и отсутствие в его работах привычной академической атрибутики, в том числе явная недо-

* Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 169.

** Гловели Г. Д. В поисках «планомерной прогрессивности»: идея «Новой Энциклопедии» у Сен-Симона и Богданова // Вестник МИАБ. 2003. № 1(13).

*** Арапов М. В. Указ. соч. С. 71.

статочность ссылок на литературу. В «Тектологии» не упоминается даже Макс Мюллер при всей значимости его концепции «основной метафоры»* для организационного подхода.

Характерно, что Богданов, внимательный к негативным откликам на его работы, не отреагировал на сочувственную рецензию молодого врача-поэта (позднее рентгенолога и пушкиниста) Иннокентия Оксенова (1897–1942), назвавшего нескольких биологов, которые «сходятся с теоретиком социализма, утопистом и оригинальным мыслителем А. Богдановым» в определении «*организация есть целесообразное сочетание активностей*»**. Оксенов назвал В. П. Карпова, автора книги «Основные черты органического истолкования природы» (1910), А. В. Немилова — популяризатора концепции организма как иерархии гистосистем, выдвинутой германским ученым М. Гейденгаймом, и Н. К. Кольцова — редактора хорошо известного Богданову журнала «Природа», основателя русской школы экспериментальной биологии и будущего учителя сына Богданова в генетике. Ни об одном из перечисленных ученых Богданов не упоминает.

А ведь на первой странице своего главного труда Богданов в «оправдание» своей смелости «закладки основ науки, объединяющей организационный опыт человечества», подчеркивал, что новая наука не есть «скачок в научном развитии, а необходимый вывод из прошлого, необходимое продолжение того, что делалось и делается людьми в их практике и в теории». «Великие мастера философии», по его мнению, «были обыкновенно энциклопедистами знаний своего времени»***, а «философия есть не что иное, как стремление сорганизовать воедино опыт, раздробленный и разрозненный силою специализации»****. Однако с дроблением человека в специализации философия выродилась в цеховое филистерство, поэтому свой призыв к сотрудничеству в разработке организационной «методологии миропонимания» Богданов обращает не к профессиональным философам, а ко «всем широко образованным людям научной и практической мысли».

* Мюллер М. Наука о мысли. С. 248–249.

** Оксенов И. Рец. на «Социализм науки» А. Богданова // Книга и революция. 1920. № 6.

*** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 318.

**** Там же. С. 315.

Рассмотрим теперь «опоры», на которых Богданов рассчитывал «построить» свой «мост» от частных наук и философии к организационной науке.

*К генеалогии тектологии: перепутья
научно-философского синтеза начала XX века*

В своих ранних (дотектологических) работах Богданов установил триаду законов причинности, данную для организационной точки зрения XIX веком:

превращение энергии — сущность всеобщей связи явлений;
естественный отбор — основа развития жизненных форм;
коллективный труд — источник культурных процессов,

или «энергетика, дарвинизм, социальная теория Маркса» как основа научного монизма*. Отход в начале 1910-х годов от партийного руководства позволил Богданову глубже вникнуть в тогдашние опыты научно-философского синтеза. Астроном и математик Дж. Г. Дарвин расширил исследованный его отцом для живой природы принцип естественного отбора на разные уровни «мертвой» природы — от атома до планетных и звездных систем. Одновременно с космогоническими работами Дж. Г. Дарвина по теории приливной эволюции появились первые модели микромира, уподоблявшие атом телам Солнечной системы (сначала «модель типа Сатурн» японского физика Х. Нагаока, затем планетарная модель Э. Резерфорда).

Парижский профессор биологии Ф. Ле-Дантек утверждал, что за внешним богатством природы скрывается небольшое число схем, которые, «при сравнении соответственных членов параллельных рядов, оказываются настолько близкими между собой, что математическая формула, применимая к одному ряду, может употребляться для другого». К числу таких схем Ле-Дантек отнес закон, установленный А. Ле Шателье для химической термодинамики: любое изменение одного из условий равновесия вызывает смещение системы в таком направлении, которое уменьшает первоначальное изменение. Живой организм Ле-Дантек предлагал рассматривать как *незамкнутую* энергетическую систему, зависящую в каждый данный момент от двух факторов — совокупности окружающих условий и начального состояния внутренней структуры.

* Вернер Н. Наука и философия // Очерки философии коллективизма. С. 18.

Как примеры параллельности рядов Ле-Дантек приводил периодические колебательные движения в разнородных явлениях, а также аналогию между безжизненными звездными туманностями и коллоидами, привлечшими в начале XX века особый интерес как «ключ к зданию всей биологии»*: коллоидальное состояние объединяет различные живые вещества, сходные не по химическому составу протоплазмы, но по *структуре*. Выдвинутое биологами еще в середине XIX века определение живой клетки как «комочка протоплазмы с заключенным в ней ядром» удержалось в науке надолго, в 1890-е годы Бючли разработал понятие о живом веществе как о коллоиде. После многолетнего изучения строения и деления живых клеток Бючли пришел к выводу о «пенистой» протоплазматической структуре и смоделировал ее и «функции клеток» на коллоидных смесях; затем он указал на распространенность «пенистой» структуры и в мире кристаллов. Эксперименты по имитации клеток и микроорганизмов на неорганических коллоидных смесях и лабораторные аналогии между организмами и кристаллами были продолжены целым рядом ученых — Л. Румблером и О. Леманном в Германии, П. Бахметьевым в Болгарии, С. Ледюком во Франции, А. Л. Эррерой в Мексике. О. Леманн, открыв в 1888 году жидкие кристаллы, назвал их «кажущимися живыми кристаллами» за свойства изменяться наподобие проявлений жизни организмов — с ростом, делением, «залечиванием ран» (регенерацией), движением вплоть до «червеобразных изгибов». По примеру Леманна изучением «биологических аналогий у кристаллов» занялся русский физик-политэмигрант Порфирий Бахметьев (1860—1913), известный исследователь анабиоза у живых организмов. Бахметьев трактовал анабиоз как состояние организма «ни живое, ни мертвое», а начала жизни предлагал искать в жидкокристаллических образованиях. Он считал возможным говорить о биогенетическом законе применительно к кристаллическому эмбриону.

Постановка С. Ледюком (1853—1939) вопроса о *синтетической биологии*, занимающейся «воссозданием в мертвой материи» форм и структур живых организмов, привлекла внимание выдающегося естествоиспытателя В. И. Вернадского (1863—1945). В начале XX века он сосредоточился главным образом на кристаллографии и минералогии, но следил и за биологией — за борьбой виталистов с механицистами. В 1911 году

* Ле-Дантек Ф. Основные начала биологии. СПб., 1910. С. 15.

в журнале «Русская мысль» Вернадский поместил заметку «На границе живого» с краткой оценкой опытов по моделированию изменений живых форм *вне* организмов, на неживых телах — коллоидных смесях, и указал на перспективы новой научной дисциплины — *морфологии неоднородных систем*.

В обзоре Вернадского были упомянуты те же имена экспериментаторов, для которых «наука о живом есть часть физической химии жидкостей», — Бючли, Квинке, Румблера, Эрреры, Ледюка*, что и в 1-м томе «Тектологии» А. Богданова. Сходны и выводы: рождается новая область исследования — познание общих закономерностей строения живого и неживого вещества в природе. Но если Вернадский в дальнейшем уже не возвращался к этой идее, придя к выводу о качественном различии живого и косного вещества (см. далее), то для Богданова ее значение осталось неизменным в соответствии с универсальной эволюционной схемой причинности и непрерывности. Опыты с «искусственными клетками» на эмульсионных смесях для Богданова были первыми «тектологическими экспериментами» — исследованием общих законов организации независимо от конкретной природы элементов, составляющих системы. Именно опытную проверку организационных законов Богданов считал коренным отличием действенной тектологии от «созерцательной тенденции» философии.

Под влиянием трактата Ле-Дантека Богданов, наметивший уже в своих ранних работах учение о сохранении и развитии жизненных форм как их «подвижном равновесии» в процессе непрерывного взаимодействия с окружающей их средой**, придал универсальное значение закону Ле Шателье как выражению структурной устойчивости форм в природе и обществе.

«Traite de biologie» Ле-Дантека, рекомендованный А. Богдановым М. Горькому для перевода на русский язык (что и было сделано), претендовал на создание «философии XX века» как «всемирной механики», основанной на «языке равновесия», «принципе непрерывности» и «группировке явлений природы в параллельные ряды различных масштабов». Ле-Дантек вступил в «философскую дуэль» с интуитивистом А. Бергсо-

* Тогда же критический обзор опытов перечисленных ученых дал А. В. Немилов в статье «Аналогии между явлениями живой и неживой природы» (см.: Итоги науки в теории и практике. Т. 5. М., 1912).

** Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899. С. 46.

ном («талантливым и ученым философом-реакционером», по словам Богданова), оказывавшим философскую поддержку «неовитализму» в биологии. Богданов сугубо отрицательное отношение к витализму воспринял еще студентом Московского университета. Не исключено, что он слышал хлесткую публичную речь Тимирязева «Витализм и наука» в Политехническом музее в октябре 1894 года. Поэтому неовиталистическое учение профессора Гейдельбергского университета Г. Дриша было проигнорировано Богдановым, напротив, внимательным к выводам биологов (Бючли, Ле-Дантека, американца Г. Дженнингса), критиковавших витализм с позиций механицизма.

«Накаты» идейных споров первой трети XX века в биологии между *механицизмом* и *витализмом* имели значение для возникновения системного подхода. Впоследствии биолог-теоретик Л. фон Берталанфи самоопределился на «организмической точке зрения» в стремлении избежать крайностей механицизма и витализма и начал свой путь к «общей теории систем» с реинтерпретации установленного Дришем понятия *эквифинальности* (Aquifinalitet) – способности живых организмов достигать предопределенного структурой конечного состояния независимо от нарушения начальных условий*.

В размышлениях по поводу дилеммы «витализм — механицизм» и в сопоставлениях кристаллов и живых организмов «нащупывало» понятие системности и российское естествознание начала XX века.

Проблема системности живого

Первый русский физик-теоретик Н. А. Умов в ответ на виталистические суждения С. М. Лукьянова, директора Института экспериментальной медицины в Петербурге и друга виднейшего русского религиозного философа Вл. Соловьева, в работе «Физико-механическая модель живой материи» (1902) предположил, что биологическая эволюция, увеличивая количество «стройностей» в природе, противостоит энтропии. Крупнейший кристаллограф Е. С. Федоров в философско-публицистической работе «Перфекционизм» (1906) указал на необходимость различать статическую «стройность строения», присущую прежде всего кристаллам, и динамическую «способ-

* Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: обзор проблем и результатов // Системные исследования. М., 1969. С. 49.

ность к приспособлению, т. е. жизненную подвижность». Федоров подчеркивал, что «нежные, неустойчивые фигуры роста первенствуют, когда речь идет о движении, о жизни», а если стройность принимает характер чрезвычайной приспособленности к обстановке, то такое «перфекционирование», «совершенствование» означает засыхающие стволы биологического дерева и застывший консерватизм кристалла.

В. П. Карпов в работе «Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни» (1909) пришел к пониманию системности живого как стройного приспособления в организме для целесообразного действия физических и химических сил. Организм — *разнородная* система с кристаллическими и жидкими включениями. Кристаллические образования оседают в нем как «остаточные изменения» — результат тех внешних воздействий, которым он подвергался за время своего существования, и образуют все более и более усложняющийся скелет, закрепляющий достигнутую форму и служащий базисом для новых изменений. Жидкие составляющие также принимают участие в определении формы организма: стремясь принять свойственную им сферическую форму, они обуславливают собой напряженное эластичное состояние клеточных оболочек, *turgorvitalis*.

Интересно, что учителем В. Карпова был основоположник московской школы гистологов А. И. Бабухин (1827–1891), которого А. Богданов-студент уже не застал в Московском университете. Однако одним из наиболее его сильных студенческих впечатлений стало знакомство с трудами Бабухина, посвященными сходству форм глаза у головоногих моллюсков и высших позвоночных и зародившимися у Богданова мысль об ограниченном числе возможных высших типов эволюции, высказанную в «Красной звезде»* и разделяемую высоко ценившим роман Богданова** палеонтологом и писателем-фантастом И. Ефремовым.

Карпов, возражая Дришу и ссылаясь на опыты Леманна и Бахметьева, делал вывод, что организованность и регуляция восстановления формы (*Restitutionslehre*) присущи не только живым телам, и вводил понятие *лабильности* организации — пластичности для различного рода регуляций формы. Органи-

* Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 131.

** Новоселов В. И. Марсиане из-под Вологды. Историко-литературные эссе об Александре Александровиче Богданове (Малиновском). Вологда, 1994. С. 35.

зацию любого тела, по мнению Карпова, определяет совокупность векторов (направлений, канализующих энергию) в связи с пограничными условиями. Критический разбор витализма Карпов завершал призывом к построению *математической теории организмов* на основе понятий об *организации* и *равновесии* изменений распределения энергии в системе. От такой теории Карпов ожидал установления законов, согласно которым происходят изменения организации живой системы и ее переходы в новые состояния равновесия, с естественно-научным объяснением целесообразности приспособительных реакций, регуляций и регенераций организмов.

Физиолог Н. А. Белов, стремясь объяснить действие «универсального автомата» физиологической регуляции не «виталистическим толкованием», а «физико-химической структурой организованных образований», разработал модель «сложнокомпенсаторного» сохранения живого организма в изменяющейся среде: «наличие неустойчивого равновесия и постоянного балансирования дают организму возможность приспособляться к новым явлениям. В этом основа жизни»*. Белов начал свои исследования в 1911 году в Харьковском университете, изучая ответы человеческого организма на введение в него лекарственных и тонических препаратов, и продолжил в 1921 году в Петроградском институте по изучению мозга и психической деятельности. Белов первым применил математический аппарат для описания целесообразности при взаимодействии организмов со средой и сформулировал «закон параллельно-перекрестной связи», или «принцип обратного построения»: «Если при изменениях состояний одного из двух взаимодействующих в замкнутом пространстве элементов наблюдаются изменения другого, то эти изменения таковы, что влекут устранение изменений в первом элементе»**.

Излагая в 1922 году математико-энергетическое обобщение своих результатов, Н. А. Белов приблизился к идее о сигнальной, информационной природе взаимосвязей в процессах самовосстановления биосистем. Это дает основание рассматривать структурную схему Белова как предвосхищение не только фи-

* Белов Н. А. Учение о внутренней секреции органов и тканей и его значение в современной биологии // Новое в медицине. 1911. № 22. С. 1235.

** Белов Н. А. Возрастная изменчивость как следствие взаимодействия частей организмов // Вопросы изучения и воспитания личности. Вып. 4–5. Пг., 1922. С. 608.

зиологической теории гомеостаза (развитой в 1929 году У. Кенноном с опорой на давние выводы К. Бернара о динамическом постоянстве внутренней среды организмов), но и кибернетического принципа обратной связи*. Но то же самое можно сказать о схеме «бирегулятора» («двойного регулятора»), выдвинутой А. А. Богдановым в развитие гипотезы о неразрывной связи жизненной ассимиляции с двойственным коллоидным строением протоплазмы, заключающим в себе условия, подходящие для двустороннего регулирования. Резюмируя, можно сказать, что российские естествоиспытатели начала XX века, включая А. А. Богданова, приблизились к формулировке системного критерия: жизнь — это активное, идущее с затратой энергии поддержание и самовосстановление специфической структуры, когда система воспроизводит свою целостность, используя для этого элементы окружающей среды с более низкой упорядоченностью**.

Однако, как (то ли с грустью, то ли с иронией) констатировал Богданов в предисловии к 3-му изданию 2-го тома «Тектологии», специалисты-биологи не читают его работ по организационной науке. Подтверждением этой разрозненности стала и статья «Целесообразные структуры как частный случай общего физического закона и правила Ле Шателье» (1925) Д. Н. Кашкарова (1878–1941), работавшего с 1919 года в Среднеазиатском университете (Ташкент). Ее автор полагал, что он первым из русских биологов касается универсального значения правила Ле Шателье, не подозревая о широкой постановке этого вопроса А. Богдановым еще во 2-м томе «Тектологии» (М., 1917. С. 100–112) и затем во всех последующих изданиях «Тектологии» (уже в составе 1-го тома).

Позднее Кашкаров, так и не прочитавший «Тектологии» Богданова, апеллировал по поводу термина «подвижное равновесие», подразумевающего устойчивые состояния при константном расходе энергии и хорошо выражающего существенные черты биоценоза***, к книге «Элементы физической биологии» (1925) американского математика А. Лотки, часто ссылавше-

* Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. М., 1967. С. 169–170.

** Медников Б. М. Аксиомы биологии. М., 1982. С. 12.

*** Понятие «биоценоз», предложенное еще в 1877 году германским натуралистом К. Мебиусом, в российский научный обиход ввел в 1913 году гидробиолог С. А. Зернов. В 1928 году он определил биоценоз как «подвижно-равновесную систему населения в данных экологических условиях»

гося на закон Ле Шателье*. Кашкаров выступил с обоснованием равновесия биоценоза в соответствии с законом Ле Шателье и изложил сводку объясняемых благодаря такому подходу многочисленных биологических фактов. Принятие закона Ле Шателье как гипотезы о механизме эволюции, по мнению Кашкарова, позволяет искать действительные физико-химические причины «*системосообразности*» живых организмов вместо «рассуждений о “целесообразности”, всегда имеющей какой-то налет телеологичности», «не усыпляя себя словами о действии всемогущего отбора»**.

Именно в законе Ле Шателье Д. Н. Кашкаров видел ключ к пониманию целесообразных адаптивных структур, наилучшим образом соответствующих функциям организма: сопротивляясь различным силам, стремящимся нарушить их целость, одни ткани проявляют «стойкость» (хрящ, кость), другие — «податливость» (жир, хорда и т. д.). Объясняя происхождение безлистных колючих растений пустыни, Кашкаров отмечал: «Хорошо известно, что растение, растущее в сухой атмосфере, продуцирует относительно больше твердых субстанций и меньше пластических; известно также, что культивирование во влажной атмосфере тормозит развитие колючек у саженцев». Причина развития колючести — физико-химическая: большая испаряющая сила среды создает структуру с меньшей испаряющей поверхностью растения, а защитные свойства от травоядных есть лишь вторичное следствие.

Кашкаров пришел к определению биоценоза как системы подвижного равновесия с комплексом взаимоприспособленных организмов, сложившимся под воздействием климатическо-почвенных и конкурентно-биологических факторов. В представлении о биоценозе как системе, сохраняющей лишь те виды, которые не могут друг друга уничтожить, и в то же время удерживающей свою территорию от вторжения других группировок, Кашкаров интегрировал сформулированные в 1927 году Ч. Элтоном понятия «цепи и циклы питания» и «пирамида чисел».

(Большая советская энциклопедия. Т. 6. С. 367). Кашкаров Д. Н. Среда и сообщество (основы синэкологии). М., 1933. С. 102.

* Кашкаров Д. Н. Среда и сообщество (основы синэкологии). С. 102.

** Кашкаров Д. Н. Целесообразные структуры как частный случай общего физического закона и правила Ле Шателье // Бюллетень Среднеазиатского университета. 1925. Вып. 4. С. 74.

Книга Кашкарова «Среда и сообщество» стала первым в СССР руководством по экологии, отразив общение автора во время длительной поездки в США (1928) с Элтоном и другими лидерами американской школы экологов. Однако вне внимания Кашкарова, как отмечает его советский биограф*, осталось учение Вернадского о биосфере, намеченное в капитальном труде 1926 года, к 1930 году переведенном в Германии и во Франции. То же можно сказать и об А. А. Богданове.

Тектология, экология, учение о биосфере

Как подчеркивал Богданов, слово «тектология», которым он обозначил всеобщую организационную науку, впервые (в гораздо более узком смысле) появилось у Геккеля [добавим, в знаменитом трактате «Общая морфология» (1866) и наряду с терминами «экология», «филогенез» и «онтогенез»]. Э. Геккель сформулировал закон сокращенного повторения *филогенеза в онтогенезе*; этот «основной биогенетический закон» сразу вошел в естественнонаучный обиход и повлиял на психологические и педагогические интерпретации человеческой индивидуальности в ее развитии как социального существа. Работы главных приверженцев «биогенетического закона» в психологии и педагогике американцев Ст. Холла и Дж. Болдуина появились в русском переводе в годы, непосредственно предшествовавшие созданию «Тектологии» (1911–1912).

Термин «тектология» в узком смысле Геккеля (изучение структуры индивидуальных живых существ) использовался в XX веке, по-видимому, только российским биологом-систематиком В. Н. Беклемишевым (1890–1962) в статье «Морфологическая проблема живых структур» (1925). Но она вышла в провинциальной Перми и осталась незамеченной, хотя сам Беклемишев стал известен как один из создателей биоценологии. Он выдвинул концепцию геомериды, или высшего биоценоза, как совокупности живого на Земле, в отличие от биосферы как планетарной оболочки жизни.

Напротив, термин «экология», введенный Геккелем для изучения отношений живого существа к окружающей среде (органической и неорганической, дружественной или враждебной), получил широчайшее распространение. Причем началось оно

* Рахимбеков Р. Даниил Николаевич Кашкаров. М., 1990. С. 26.

как раз в годы работы Богданова над всеобщей организационной наукой. Но у Богданова парадоксальным образом понятие «экология» не встречается ни разу, хотя на остроту экологических проблем указывает уже «Красная звезда»*!

В те же годы входит в научный обиход понятие «биосфера». Акад. В. И. Вернадский использовал его впервые в 1913 году в статье «К вопросу о химическом составе почв». Трактату Вернадского «Биосфера» (1924) предшествовал его фундаментальный труд «История минералов земной коры» (1923). В начале 1920-х годов Вернадский укрепился в понимании живого вещества как интегрированной в земную кору «совкупности организмов, сведенных к массе, химическому составу и энергии», опираясь на эмпирические обобщения о *константе* живого вещества и его влияния на химический состав земной коры. Отмечая, что в геологической истории нет эпох с отсутствием следов жизни, Вернадский, с одной стороны, склонился к гипотезе космической «вечности жизни» (ссылаясь на обнаружение французом В. Галиппом микроорганизмов в метеоритах), с другой — подчеркивал геохимическую роль живого вещества в планетарном энергетическом равновесии.

Биосферология Вернадского позднее (с 1930-х годов) задала направление специальному учению о биогеоценозах как саморегулируемых средах для эволюции входящих в них популяций, а к концу XX века приобрела особую междисциплинарную весомость не только в научных кругах, но и в СМИ. С одной стороны, учение о биосфере легло в основу нового понимания механизма эволюции: естественный отбор действует в первую очередь как заполнение экологической ниши — *системной вакансии*** . С другой стороны, на биосферологии основана постановка самим Вернадским вопроса о превращении человечества в ведущую геологическую силу и о мыслящей оболочке Земли — *ноосфере*. Наконец, своим прямым предшественником Вернадского признали химик Дж. Лавлок и микробиолог Л. Маргулис, выдвинувшие модель атмосферного гомео-

* «Пришлось истребить значительную часть дорогих нам лесов нашей планеты, что на десятки лет обезобразило ее», см.: Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 153.

** Заварзин Г. А. Индивидуалистический и системный подходы в биологии // Вопросы философии. 1999. № 4.

стаза как гипотезу «Геи» — Земли-целостности, саморегулирующейся как живой организм*.

Первоначальная формулировка «гипотезы Геи» была связана с интерпретацией Лавлоком отрицательных результатов тестирования космическими аппаратами планеты Марс на предмет наличия жизни. Лавлок указал, что безжизненность Марса вполне объясняется составом его атмосферы, застывшей в мертвом узоре с абсолютным преобладанием углекислого газа (95 %). Напротив, на Земле («Гее») поддерживается живой газообмен с обилием кислорода, почти 4 миллиарда лет сохраняющий, несмотря на изменчивость теплового излучения Солнца, температурный режим поверхности и другие параметры на уровне, благоприятном для совокупной жизни. Доля углекислого газа в атмосфере незначительна, поскольку он «выкачивается» деятельностью живых организмов — наземных зеленых растений (фотосинтез), почвенных бактерий (выветривание горных пород), микроскопических океанических водорослей (поглощение солей-карбонатов и преобразование их в меловые раковины). Отмирающие водоросли формируют на океанском дне массивные известняковые и кремниевые отложения, которые постепенно погружаются в мантию Земли и плавятся (порой вызывая сдвиги тектонических пластов). Некоторая часть углекислого газа, содержащаяся в расплавленной породе, снова извергается вулканами наружу и «запускает» следующий оборот цикла углекислоты, работающего как гигантская петля обратной связи температурного регулирования Земли.

«Гипотеза Геи», подкрепленная компьютерным моделированием, вошла в число наиболее популярных в современном естествознании системных концепций (синергетика, автопоэзис), обоснованных такими теоретиками, как Илья Пригожин, Г. Хакен, М. Эйген, Х. Матурана, У. Варела. Ознакомившись с биосферологией Вернадского, Дж. Лавлок и Л. Маргулис нашли в ней подтверждение своих взглядов: глобальный подход к живому веществу, неотрывному от неживого окружения — «следов былых биосфер». Однако в 1988 году, когда «гипотезе Геи» была посвящена специальная конференция Американского геофизического союза, Милан Зелены в «International Journal of General Systems» (Vol. 14) обратил внимание на то, что фор-

* Lovelock J., Margulis L. Atmospheric homeostasis by and for biosphera: the Gaia hypothesis // Tellus. 1974. Vol. 26.

мулировку этой гипотезы предвосхитил и А. А. Богданов (добавим от себя — еще в 1917-м)! Во 2-м томе «Тектологии» он показал структурную связанность оболочек Земли (биосферы, атмосферы, гидросферы и литосферы) в единстве планетарной *системы расхождения*, одним из наиболее важных и замечательных *дополнительных соотношений* в которой является *круговорот углекислоты*. Благодаря обмену углекислоты с биосферой и воды с Мировым океаном земная атмосфера регулирует температурный режим планеты: непрерывная воздушная оболочка «задерживает теплоту гидросферы, как и “литосферы”, твердой части земной коры, доставляемую почти всецело лучами Солнца; а гидросфера, обладающая громадной теплоемкостью, образует как бы резервуар, то поглощающий излишки тепловой энергии, когда нагревание усиливается, то отдающий эти излишки воздуху, а через него и литосфере, когда нагревание уменьшается; таким образом, температурные колебания удерживаются в ограниченных пределах около одного основного уровня»*.

Отметим, что Богданов под «биосферой» понимал область жизни в ее целом как взаимодополнение растительного и животного царств, имеющее параллелизм в «симбиозе» водорослей и простейших. Вернадский определил «биосферу» более широко.

Ключевую роль Вернадский отдавал деятельности безъядерных микроорганизмов (прокариот) — хемотрофных бактерий-дробянок. Они сами, размножаясь делением, оставались неизменными, но непрерывно меняли своей жизнедеятельностью окружающую среду, в пределах которой эволюционировали эукариоты.

Другой нюанс — хотя авторы «гипотезы Геи» ставят в заслугу Вернадскому то, что он, описав жизнь глобально, «стер жесткую грань между живыми организмами и неживой окружающей средой»**, сам основатель биосферологии делал иной акцент: неживое и живое существуют параллельно и резко отличны***.

* Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 301–303.

** Margulis L., Sagan D. What is Life? L., 1995. P. 46.

*** Из современных дискуссий по этому вопросу: Юшкин Н. П. Биоминеральные взаимодействия. М., 2002; Сидоров А. А. Возвращаясь к проблеме живого и косного вещества // Вестник РАН. 2004. № 6.

Ранее интересовавшие его лабораторные имитации клеток и микроорганизмов («синтетическая биология») Вернадский признал бесперспективными. Напротив, Богданов остался в убеждении, что «наука разрушает непреходимые границы между живой и мертвой природой, заполняет пропасть между ними», его позиция близка к более поздним оценкам «осмотических нарастаний» С. Ледюка как моделированию последовательного накопления организующих отношений в процессах формообразования*.

Но сопоставление вклада тектолога Богданова и биогеохимика Вернадского в системную парадигму в естествознании поучительно не только охарактеризованными выше параллелями и различиями. Учение Вернадского о константе живого вещества, как и биоценология Кашкарова и классическая экология Элтона, с полным основанием могли бы быть приведены Богдановым в качестве убедительной иллюстрации «работающей полезности» тектологических категорий. Что такое «цепи питания», как не разновидность универсальных организационных механизмов ингрессии и цепной связи? Что такое «пирамида чисел» и часто упоминаемый Вернадским принцип Дана, как не примеры универсального организационного механизма эгрессии? Что такое «системосообразное» (по Кашкарову) сочетание в отдельном организме «стойких» и «податливых» тканей и глобальное (по Вернадскому) сочетание неизменных прокариот и миллионвариантных эукариот, как не проявления универсального организационного закона расхождения частей единой системы по степени пластичности с ограничительной тенденцией депрессии?

Организационная пластичность и закон минимума в экономике

Указав на эвристическую ценность введенных А. А. Богдановым всеобщих организационных понятий, обратимся еще раз к словам В. А. Базарова, посвященных памяти друга: «Он много и охотно пользовался иллюстрациями из астрономии... богатый материал для тектологических обобщений дает ему биология, но в фокусе его внимания всегда остаются социальные явления и проблемы». Вслед за самим Богдановым Базаров применял принцип цепной связи и закон минимума не только

* Кремянский В. И. Структурные уровни живой материи. М., 1969. С. 96–97.

в методологии народнохозяйственного планирования, но и в анализе капиталистического воспроизводства.

Как известно, именно наличие опустошительных периодических кризисов промышленного производства послужило основой для вывода К. Маркса и Ф. Энгельса о неизбежном крушении капиталистического строя вследствие антагонистических внутренних противоречий. В начале XX века главные специалисты по марксистской теории промышленных кризисов В. Зомбарт в Германии и М. Туган-Барановский в России ревизовали ее, доказывая, что обвалы в процессе капиталистического воспроизводства не являются фатальными. При этом Зомбарт указывал на сглаживающую роль крупнокорпоративной интеграции предприятий, а Туган-Барановский — на возможность неограниченного расширения промышленного производства и накопления капитала даже при сокращении потребительского рынка.

Критикуя Туган-Барановского, Богданов подчеркнул, что народное потребление (покупательная способность масс) остается лимитирующим *слабым звеном* капиталистического воспроизводства, и при его абсолютном сужении рост капиталистической системы невозможен. Другое дело, что вследствие цепной связи отраслей даже *незначительное* расширение конечного потребления может привести к *гораздо большему* расширению рынка в целом*.

Первые кризисы капиталистического производства происходили во времена преобладания текстильной промышленности с почти правильной периодичностью (1825, 1836, 1847, 1857). Эту правильность сбили *изменения в структуре* промышленности (ускоренный рост черной металлургии, угледобычи, машиностроения), удлинившие цепную связь отраслей и тем самым период «скрытого перепроизводства», отдалив «первичную волну» сокращения спроса от потребительского рынка. Разрешение противоречия между капиталистическим производством и не поспевающим за ним потреблением замедлилось, но зато стало и более разрушительным — кризис 1873 года, фактически растянувшийся до 1878-го**.

Затем почти до начала XX века различные фазы транспортной революции и процесса усложнения производственного

* Богданов А. А. Мировые кризисы, мирные и военные // Летопись. 1916. № 3. С. 142.

** Там же. С. 161–163.

аппарата дали перевес замедляющим моментам, и кризисы носили локальный характер вплоть до нового общеевропейского потрясения в 1900—1903 годах, слабо затронувшего, однако, США. Но в начале XX века перевес оказался уже на стороне ускоряющих моментов, и назрел новый мировой экономический кризис, однако его упредил *мировой военный кризис*, спровоцированный ростом отраслей тяжелой и военной промышленности и перепроизводством технически специализированной военной силы.

Выводы «организационного анализа» кризисов А. А. Богдановым не утратили своего значения. Выходом из величайшего мирового экономического кризиса капиталистической системы 1929—1933 годов стало макроэкономическое регулирование на основе кейнсианских принципов эффективного спроса и мультипликатора, которые не что иное, как частные случаи использования принципа «слабого звена» и механизма «цепной связи». Мультиплицирующий эффект кейнсианской политики частичного перераспределения доходов в пользу бедных слоев — по сути, реализация описанного Богдановым механизма поднятия «слабого звена» (покупательной способности бедных) и расширения рынка в целом (вследствие цепной связи отраслей), гораздо большего, чем само приращение потребительского спроса. Некейнсианское макрорегулирование в «смешанных» экономиках обеспечило беспрецедентный в истории мирового капитализма бескризисный экономический рост 1950—1960-х годов, но его «слабым звеном» была дешевизна энергоносителей (нефти) и сырья, все в возрастающих масштабах выкачиваемых «первым миром» из «третьего». Повышение цен на нефть и другое минеральное сырье обусловило новые — структурные — кризисы 1973 — начала 1980-х, выход из которых был найден ведущими капиталистическими странами в дерегулировании рынков и импорте трудоемкой промышленной продукции из стран индустриального «нового Востока» с дешевой рабочей силой. Импорт недорогих восточноазиатских товаров сопровождался деиндустриализацией стран-лидеров, особенно США, и новым ограничением в них массовой покупательной способности (рост дифференциации доходов, стагнация реальной заработной платы). Раздувание потребительского (особенно ипотечного) кредита, компенсирующее сужение массового спроса, стало «слабым звеном», разрыв которого привел к финансовому кризису 2007—2008 годов.

«Закон слабого звена», как подчеркивал Богданов, был впервые сформулирован Ю. Либихом в агрохимии. Из этого же источника «закон минимума» почерпнул незаслуженно малоизвестный русский экономист Н. П. Огановский (1874–1938), первым обосновавший системный подход к проблеме *устойчивого развития производительных сил**. В концепции экономического прогресса Огановского в качестве «слабого звена», ограничивавшего вплоть до XX века рост производительных сил России, как ранее Западной Европы, представлено экстенсивное земледелие (феодалное паровое трехполье), провоцирующее аграрное перенаселение. Оно, застыв на целые века, истощало почву и вынуждало расширять посевы зерновых за счет пастбищных угодий, сдерживая урожайность и рост животноводства. Через аграрные перевороты и политические революции Европа пришла к замене трехполья интенсивными севооборотами — многопольными и плодосменными. Они избавили от голода, резко подняли урожайность; сняли барьеры с развития не только земледелия, но и животноводства, промышленности и местных рынков, высвободив рабочую силу для несельскохозяйственной занятости.

Хотя Огановский не употреблял понятий «обратные связи» или «цепочки взаимного стимулирования», фактически он описал именно такого рода механизмы экономического подъема: подсев к хлебным злакам корнеплодов, кормовых трав и бобовых позволяет не только использовать всю пахотную землю (пар исчезает), но и увеличивать кормовые ресурсы для животноводства и сырьевые — для промышленности; в свою очередь, наращивание поголовья скота предоставляет удобрения и дополнительное сырье, а промышленность поглощает избыточное население деревень и предъявляет растущий спрос на продукцию сельского хозяйства, способствуя его интенсификации и товаризации поставками сельскохозяйственных машин, искусственных удобрений, налаживанием транспортно-складского хозяйства и кредита.

Таким образом, Огановский осмыслил экономический прогресс в категориях структурной сбалансированности: земледелия и животноводства — сельского хозяйства в целом и городской промышленности. Такой подход позволил ему дать

* Гловели Г. Д. Н. П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Вопросы политической экономии. 2017. № 2.

убедительную картину стадияльного отставания хозяйства России, где возможности перехода к интенсивному земледелию сдерживались крестьянским малоземельем в центре и простором для экстенсивной колонизации на окраинах, бездорожьем и климатическими факторами; а наращивание экспорта зерновых лишь деформировало экономическую структуру*.

*Тектология, тейлоризм и технократия:
элементы институционализма*

Приверженность марксистской трудовой теории стоимости, материалистическому пониманию истории («историческому монизму») и расширение их до «философии коллективизма» закономерно сделали Богданова невосприимчивым к т. н. маргиналистской революции в экономической теории. Хотя в рамках марксистской политэкономии он пришел к ряду выводов, которые можно было бы выразить в категориях маргиналистской микроэкономики (эластичность потребительского спроса, конкуренция субститутов — материалов-заменителей), принципы школы «предельной полезности» Богданов назвал прямо-таки «антиорганизационными». Столь же чуждыми остались Богданову (вложившему в «Тектологию» убеждение в том, что «основная линия социального прогресса» воплощается в индустриальном пролетариате, жизнью направляемом к «всеорганизационной точке зрения») появившиеся в начале XX века социологические концепции *элит* и «железного закона олигархии». Германский социал-демократ, Р. Михельс сформулировал «железный закон олигархических тенденций» на примере именно рабочих организаций — партий и профсоюзов**.

Однако Богданов не прошел мимо роста «новых средних слоев», или «нового среднего класса» (госслужащие, наемный образованный персонал капиталистических предприятий), — явления, привлекшего внимание и политэкономов, и социологов в Европе, особенно в Германии, включая ведущего теоретика социал-демократии Р. Гильфердинга, а также российской общественности, озадаченной проблемой определения места *интеллигенции* в классовой структуре общества.

* Там же.

** Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Lpz., 1911.

Уже в 1906 году, в переизданиях «Краткого курса экономической науки» и заключительной социологической части «Эмпириомонизма», Богданов определенно говорит о росте промежуточной *социальной группы* обладателей специализированных знаний служащих, управляющих и инженеров, нанимаемых крупным капиталом и буржуазным государством. В «Очерках философии коллективизма» Богданов назвал эту социальную группу *технической интеллигенцией**, а во второй части «Тектологии» охарактеризовал общественный идеал этой группы: «Планомерная организация производства и распределения под руководством ученых-экономистов, инженеров, врачей, юристов, вообще — самой этой интеллигенции; при этом она создает привилегированные условия для себя, но также условия, жизненно удовлетворительные для рабочего класса, тем самым устраняются основания для классовой борьбы и получается гармония интересов»**.

Богданов связывал этот общественный идеал прежде всего с французскими радикал-социалистами (первой в истории правительственной партией с «социалистической» терминологией в названии), однако еще точнее он совпадает с идеалом небольшой организации сторонников «научного менеджмента» в США, привлечшей внимание профессора Т. Веблена, основателя нового направления в экономической теории — институционализма.

Богданов, говоря о «технической интеллигенции», поначалу делал акцент на том, что она складывается как «высшая группа» наемного персонала — «представители сложного труда в машинной организации производства»***. «Научный менеджмент» (scientific management) в США возник как методика повышения эффективности работы низших неквалифицированных групп труда в машинном производстве — система, предложенная инженером-менеджером корпорации «Бетлехемстил» (второй по оборотам металлургической компании после Стального треста) Тейлором. В годы появления тектологии (1912—1913) «система Тейлора» стала предметом жарких дебатов в России, в которых принял участие и А. А. Богданов****.

* Богданов А. А. Философия современного естествоиспытателя. С. 62 и др.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 365.

*** Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. С. 209.

**** Богданов А. А. Между человеком и машиной. СПб., 1913.

Одновременно в США понятие «научный менеджмент», с одной стороны, приобрело гораздо более широкий смысл — науки о рациональном управлении не только отдельными капиталистическими предприятиями, их подразделениями и рабочими местами, но и, возможно, целыми отраслями (особенно железнодорожной). С другой стороны, появилась усовершенствованная смягченная версия «тейлоризма», предложенная Г. Ганттом (1860—1919) — одним из тех, кого стали называть «efficiency engineers», разработавшим систему оперативного управления предприятиями на основе особых графиков («графики Гантта») и систему урочной заработной платы, повышавшую заинтересованность рабочих в своем труде.

Гантт и его единомышленники провозгласили «эру технархии»*. Они стали пропагандировать идею предоставления правительством властных полномочий «efficiency engineers», чтобы инженеры осуществили «научный менеджмент» в масштабах всей промышленности, организовав ее рационально и на началах «социальной гармонии»**. Организация Гантта «Новая машина» просуществовала недолго (1916—1917), а сам он вскоре умер, но его идеи были подхвачены Вебленом в цикле статей и затем в книге «The Engineers and the Price System» (1921).

Ранее Т. Веблен снискал известность книгами «Теория праздного класса» (1899) и «Теория делового предприятия» (1904), а также рядом статей, в которых

- критиковал индивидуалистическую модель «экономического человека» как гедониста-оптимизатора, калькулирующего свои удовольствия и страдания;

- обосновывал необходимость эволюционной экономической науки, изучающей «естественный отбор институтов»;

- рассматривал крупное машинное производство как культуротворческий процесс, формирующий рациональное мышление, основанное на материалистическом применении современного естествознания;

- высмеивал крупных бизнесменов США за иррациональное поведение, основанное на «канах денежной почтенности», финансовых спекуляциях, хищничестве, паразитизме и «демонстративном потреблении».

* Armitage W. H. G. The Rise of the Technocrats. Ithaca & L., 1965. P. 166.

** Akin W. E. Technocracy and the American Dream: The Technocracy Movement 1900—1941. Berkeley, 1977. P. 51—53.

Сформулировав дихотомию иррациональности «праздного класса» («мир бизнеса») и рациональности зрелого машинного производства («мир индустрии»), Веблен в книге «Теория делового предприятия» впервые выделил обширный «класс работников умственного труда, связанный с развитием современной индустрии» — инженерно-технических специалистов. А к началу 1920-х годов под воздействием распространения в США «научного менеджмента» Веблен стал проповедовать идеи, получившие (не у него самого) обозначение *технократии*. Он выступал за передачу власти «Генеральному штабу инженеров и техников», чтобы ИТС в масштабе страны перенесли рациональные методы управления с отдельных предприятий на экономику в целом, прекратили иррациональность конкуренции и расточительства и обеспечили на основании безкризисного прогресса машинного производства достойное существование всех слоев общества.

Веблен рассматривал свою программу как «третий путь между плутократией капитализма и диктатурой пролетариата»*, полагаясь на ИТС, поскольку они, по его мнению, во-первых, занимают стратегическую позицию в производстве; во-вторых, в отличие от «громоздких» и разнородных рабочих организаций, являются относительно однородной группой и смогут легко самоорганизоваться; в-третьих, для захвата власти им достаточно всеобщей стачки — мирной «революции», после которой они будут компетентно управлять индустриальной системой.

В России идеи Веблена до конца 1920-х годов не были известны, позднее в основном сводились к «технократии» и лишь в 1990-е годы привлекли внимание анализом показного потребления. Можно сказать, что вебленовская концепция технократии складывалась параллельно богдановскому организационному проекту. Богданов также подразумевал действие механизма отбора институтов (но без уклона в социал-дарвинизм, в отличие от Веблена). Он также рассматривал крупное машинное производство как культуротворческий процесс, формирующий рациональное мышление, противоположное «бессознательности обывателей»**, но свойственное не только ИТС, но и рабочему классу. Он считал свойственной для класса буржуазных собственников тенденцию к «потребительно-па-

* Veblen T. The Engineers and the Price System. N. Y., 1921. P. 93.

** Богданов А. А. Из психологии общества. С. 270.

развитическому» вырождению, характерному для всех господствующих классов. Но социологическая концепция Богданова противопоставляла буржуазию прежним господствующим классам именно в том отношении, что буржуазия, переходя от реально-организаторских функций к потребительству и рантьеерству, стимулировала рост технической интеллигенции, в которой Богданов в начале 1920-х годов видел социальную группу, становящуюся после мировой войны из «класса в себе» «классом для себя». Он полагал, что техническая интеллигенция будет представлять после войны интересы буржуазии в целом и ограничивать паразитические «рантьеерские» элементы.

В связи с этим единственный раз в тезисах Богданова появилось слово «элита»*: оно подразумевало верхи технической интеллигенции, привлекаемые после войны в госкомитеты и пр. для решения в национально-государственных масштабах задач по изысканию и разработке природных богатств и наиболее рациональному использованию наличных рабочих сил. С этими задачами Богданов связывал и тенденцию к поддержке *частных организационных наук*, включая *тейлоризм***.

В русской печати периода появления всеобщей организационной науки мнения о тейлоризме разделились на критические и апологетические. Первые высказывали в основном экономисты-народники и социал-демократы, обличавшие новую «потогонную систему» эксплуатации рабочих. Другого мнения придерживались практики, как сказал бы А. А. Богданов, из «высших слоев технической интеллигенции, перешедших к буржуазному делячеству», и журналисты, выражавшие интересы крупного капитала. Газета московской торгово-промышленной олигархии «Утро России» рассчитывала на помощь тейлоризма в преодолении традиционной российской расхлябанности, а в официальном органе петербургского правительства «Промышленность и торговля» крупным шрифтом выделялось: «При организации предприятия по системе Тейлора тщательный подбор рабочих, строгая регламентация их действий, подчинение их энергии плану работы, разработанному специальным бюро, наконец, дифференцированная сдельная плата приводят к значительному увеличению производительности».

* Богданов А. А. Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания // Вестник МИАБ. 2004. № 2(18). С. 13.

** Там же. С. 14.

сти труда единственно путем введения большей целесообразности в его элементы»*.

После революции главным проповедником тейлоризма в России стал А. Гастев — «поэт рабочего удара», успевший побывать социал-демократом и анархистом, депутатом одного из первых в истории Совета рабочих депутатов в Костроме (1905) и слесарем на передовом машиностроительном заводе «Новый Айваз» в Петербурге (1913). Гастев был деятелем Пролеткульта, где спорил с Богдановым, а затем организовал Центральный институт труда при поддержке Ленина, который в 1918 году призывал «создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее»** и даже «привлечь американских инженеров» для проведения системы Тейлора по декрету: «Без нее повысить производительность нельзя, а без этого мы не введем социализма»***.

Гастев, будучи своеобразным поэтом и называя Богданова «схематиком», сопровождал свои идеи о НОТ провоцирующими формулировками: «из края в край мира гуляют мощные грузные психологические потоки, для которых как будто уже нет миллиона голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем это тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами включений, переключений, замыканий»****.

Современные филистеры и извратители идей Богданова — якобы «историки» и «литературоведы», не зная ни одного российского тейлориста, кроме Гастева, и спекулируя на факте его «пролеткульта», объявляют Гастева последователем Богданова и далее пускаются в рассуждения о «тоталитаризме». Но, во-первых, в отличие даже от проектов Гастева, индустриализация «сталинских пятилеток» сопровождалась не просто жесткой дисциплиной, но нередко произвольной нормализацией, основанной на «рекордах», порой подлинных, но подчас и фальсифицированных. Поэтому и Гастев с его институтом,

* Цит. по: Голосенко И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб., 2002. С. 155.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 190.

*** Там же. С. 212.

**** Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9/10. С. 44.

и другие советские деятели НОТ, вроде Ерманского, оказались не нужны и в итоге были репрессированы. Во-вторых, как уже говорилось, на первой Всероссийской конференции по НОТ тейлористские крайности Гастева были отвергнуты, а Богданов прямо противопоставил тейлоризм и подлинно научную организацию труда*. В дальнейшем советском движении НОТ Богданов из-за начавшейся травли участия не принимал. Однако, уже возглавив Институт переливания крови, он в своей последней книге именно как врач выступил против тейлористских эффектов повышения производительности труда, достигаемых за счет «одностороннего развития какой-нибудь специальной иногда весьма мелкой функции по “рекордному” типу со всеми шансами на ранний и ускоренный упадок организма»**.

Богданов *не был* тейлористом, как не был он «технократом» в вебленовском смысле. Но надо признать, он оказался, как и Веблен, утопистом. На обсуждении доклада Богданова «Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания» в Социалистической академии (1923) В. Базаров отметил «глубокий антагонизм между технически рациональными и финансово-прибыльными приемами организации промышленности»***. Это — почти дословная формулировка вебленовской дихотомии «мира бизнеса» и «мира индустрии». Веблен рассчитывал преодолеть ее на путях технократии, но столкнулся с «коммерческой преданностью» американских инженеров «капитанам финансов». Богданов не проповедовал, а *прогнозировал* возвышение «организаторской, главным образом, инженерской» интеллигенции до новой формы существования буржуазии как господствующего класса в рамках «национально-государственного капитализма». По мнению тектолога, такое развитие событий после мировой войны открывает переходный период, нужный пролетариату для выработки собственной «культурной линии» и овладения точным научно-техническим знанием, «которым владеют пока только интеллигенты-организаторы»****. Лишь после этого проле-

* Труды первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. Вып. I. М., 1921. С. 55.

** Богданов А. А. Борьба за жизнеспособность. Гл. 8.

*** Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. № 4. Л. 39.

**** Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. 10-е изд., 1920. С. 310.

тариат сможет выступить организатором нового социалистического общества, тогда как в послереволюционной России он поневоле выполняет «роль зауряд-бюрократии».

Упомянутый доклад Богданова из-за его ареста ГПУ не был опубликован и увидел свет лишь в XXI веке, а в конце XX века было впервые напечатано последнее социологическое произведение Богданова — тезисы «Линии культуры XIX и XX века» (1928). В них Богданов уже фиксирует утопичность марксистского учения об «исторической миссии» индустриального пролетариата, хотя не хочет в этом признаться.

Дебатируя в молодости с С. Булгаковым, обвинившим марксизм в фаталистическом детерминизме, Богданов отметил: «...марксизм говорит: если успеют сложиться достаточные общественные силы, то общество преобразуется таким-то способом; если же нет, то оно деградирует»*. В заключительной главе «Тектологии», Богданов от общей постановки вопроса о «редуктивном развитии» переходит к вопросам о судьбе «новой буржуазии» и судьбе современного общества в целом, зависящей «от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов». В социологических докладах и тезисах 1920-х Богданов пытался ответить на эти вопросы. Эти ответы можно резюмировать следующим образом.

Возрастание роли технической интеллигенции компенсирует редуктивное развитие производственных функций буржуазии, избавляя от ее «гипертрофии рантьерства». Но необходимо различать две социальные группы технической интеллигенции и их культурные линии. Первая группа — инженерно-научная интеллигенция — воплощает «линию техницизма» с тенденциями к политической демократии, пацифизму и вовлечению рабочего класса в «прогрессивное буржуазное жизнестроительство»**.

Вторая группа — «нормативно-государственная» интеллигенция — базируется на разбухшем госаппарате с включенным в него милитаристским комплексом. Ее линия — жесткое идеологическое доктринерство, блага «твердого руководства и дисциплины», уклон в диктатуру вплоть до фашистской и «прямой антипацифизм по отношению к Гражданской войне»***.

* Богданов А. А. Из психологии общества. С. 211.

** Богданов А. А. Линии культуры XIX и XX века // Вестник МИАБ. 2000. № 4. С. 41–42.

*** Там же.

Достаточные общественные силы для преодоления капитализма не сложились. Пролетариат так и не выработал собственных культурных линий и подчинился двум различным «культурным линиям новейшего капитализма».

Верхние, «окультуренные» слои пролетариата тяготеют к линии «буржуазно-интеллигентского техницизма» — приобщение рабочих к «общей» культуре, повышение их квалификации и заработка, их годности для технически усложняющегося производства.

К линии «норматизма» тяготеют «широкие неквалифицированные слои пролетариата, слабо затронутые научным техницизмом, но сильно чувствующие потребность в твердом руководстве, в простых ясных и боевых доктринах, дающих выход стихийной революционности»*.

Ранее указывалось, что учебники Богданова являлись авторитетным источником по политэкономии для И. Сталина, повлияв на его представления о капитализме и социализме. Выводы этих учебников о том, что предпринимательская буржуазия стимулирует рост квалифицированного слоя обладателей специализированных знаний, в теоретических работах революционера Сталина, заострявшего классовый антагонизм буржуазии и пролетариата, не отразились. Но Сталин-диктатор, проводник, говоря терминами Богданова, культурной линии самого жесткого «норматизма» в рабочем движении, принял меры не только по наращиванию госаппарата с включенным в него милитаристским и полицейско-карательным комплексами, но и по формированию *режимопослушной технократии* — новой группы обладателей специализированных знаний. Этот процесс включал как подчинение и подавление старой технической интеллигенции (вплоть до прямого устранения репрессиями), так и спешное создание новой технической интеллигенции через систему образования и кадровое «выдвиженчество».

Индустриальный пролетариат не состоялся как класс-«всеорганизатор». Но вопреки ожиданиям Богданова и Веблена, и техническая интеллигенция не состоялась как «класс для себя». Хотя наиболее известный из последователей Веблена во второй половине XX века К. Гэлбрейт утверждал, что реальная власть в «смешанной экономике» перешла к крупнокорпоративной «техноструктуре» — многочисленной группе людей, обладающих специализированными знаниями и способностями,

* Там же. С. 51.

от топ-менеджеров до массы «белых» и «синих» воротничков*. Однако если что-то похожее и было, идентифицировали себя «техноструктурные» слои не с единым классом, а лишь с различными частями «среднего класса».

Но идентификация со «средним классом» происходила не через *особую роль* в технически все более усложняющемся *производстве*, как полагал Веблен для инженерно-технических специалистов, Богданов — для индустриального пролетариата и технической интеллигенции, а через *интеграцию в «общество массового потребления»*. Это подчеркивал в самом конце XX века, например, один из самых известных и влиятельных теоретиков «научного менеджмента» П. Друкер (Дракер). Он утверждал, что считается, будто современный мир преобразовали Дарвин, Маркс и Фрейд. «По справедливости, Маркса в этом ряду следует заменить на Тейлора», так как именно благодаря тейлоризму в развитых западных странах состоялось превращение пролетариев в средний класс, т. е. внедрение системы Тейлора привело к такому росту производительности промышленного труда, который обеспечил общество массового потребления**.

Государственно-нормативный «социализм в одной стране» одолел во Второй мировой войне монструозное воплощение «нормативно-государственной», фашистской культурной линии капитализма. Но потерпел поражение в соревновании с капитализмом, трансформированным культурной линией «буржуазно-интеллигентского техницизма» (в экономической теории и политике это линия кейнсианства, североамериканского институционализма, европейской социал-демократии). Однако нельзя сказать, что эта культурная линия, ставшая источником для различных технократических и «техноструктурных» концепций в социологии, победила. Она отступила перед неолиберализмом и неоконсерватизмом, сумевшими навязать обществу рыночный фундаментализм, гонку финансовых спекуляций, потребительство*** и др.

* Galbraith J. K. The New Industrial Society. N. Y., 1971. P. 84.

** Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 89.

*** См.: Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб., 1998; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004; Graaf J. de, Wann D., Naylor Th. H. Affluenza: The All-Consuming Epidemic. San Francisco, 2001.

Характерология Богданова

В последнее прижизненное издание «Тектологии» А. А. Богданов не стал включать раздел «Гедонический подбор» как слишком сжатое изложение слишком обширной темы, намереваясь исследовать ее более обстоятельно. Смерть оборвала реализацию этого замысла, объединявшего университетскую специальность Богданова и начатую систематическую переработку с организационной точки зрения основных начал психологии с учетом *фрейдизма*. Но богатый материал для «генетического познания психических явлений» Богданов систематизировал уже в «Эмпириомонизме», в главе «Психический подбор» (1905), где фактически изложен оригинальный вариант *характерологии** — классификации типов личностей. Обратимся к ней.

Гедонический подбор — это прогрессивный подбор психических комплексов, протекающий в виде чувственного тона (окраска *удовольствия — страдания*). Типы душевной организации формируются под воздействием 1) количества (богатства, разнообразия) впечатлений, 2) направления психического подбора (положительный или отрицательный знак в окраске переживаний — *аффекционал*) и 3) интенсивности переживаний в отдельные моменты. Если при богатстве и интенсивности материала подбора — глубине и полноте восприятия окружающего мира — достигается уравновешенность положительных и отрицательных впечатлений, то складывается высший культурно-психический тип «энциклопедического гения своего времени»**. Не приводя конкретных исторических примеров, Богданов обращается к своему любимому художественному образу — гетевскому Фаусту.

При меньшем диапазоне «уравновешенный» подбор дает тип отнюдь не «гениев», но людей, способных благодаря близости к массам по материалу опыта в критические моменты истории стать «героями». Они «увлекают за собой “толпу”, которая в них находит ближайших и наиболее непосредственных выразителей своих потребностей и стремлений». Это — «совер-

* Под впечатлением от снискавшей в 1920-е годы всемирную известность книги Э. Кречмера «Строение тела и характер» (1921, рус. пер. 1924), подаренной Богдановым своему сыну, тот избрал специальность биолога (Новоселов В. И. Марсиане из-под Вологды. С. 18).

** Богданов А. А. Психический подбор // Вопросы философии и психологии. 1904. № 4(74). С. 492.

шенные джентльмены» в изображении романистов или знаменитые политические деятели англосаксонской расы с «ясным и твердым отношением к жизни», вроде американских президентов Вашингтона и Линкольна, британского премьер-министра Гладстона*.

Снижение «уравновешенного» типа до «обывательского» уровня с малоинтенсивным и ограниченным в материале переживаний психическим подбором порождает массовидный *филистерский* тип, воспроизводимый профессиональной специализацией. В качестве наиболее яркого примера Богданов приводит односторонность торговца, который всю человеческую жизнь рассматривает со своей «специфически меновой точки зрения», систематизированной воспитавшимся в торговой атмосфере английского капитализма И. Бентамом** «в целую практическую философию, построенную, в сущности, на меновом идеале возможно выгодной сделки с реальностью жизни»***. Другой пример культурно-психической односторонности: «Работник, проводящий все свое трудовое время при машинах, естественным образом бывает склонен к механически-материалистическому мировоззрению, которое укладывает всякую реальность в рамки отношений, однородных с отношениями частей механизма, и такова в массе случаев точка зрения инженера»****.

Для обозначения типов с неуравновешенным подбором Богданов использует метафоры знаменитого поэта Г. Гейне — «эллин» и «иудей». Если в богатстве переживаний одаренной натуры явно преобладают положительные, складывается артистический «*эллинский*» тип — «изящной и мягкой разносторонности», подвижной, порывистой психики, в которой творческая фантазия преобладает над критикой. Если отрицательные — много страданий, жестоких воздействий внешнего мира, ударов судьбы, кристаллизуется «*иудейский*» (относительно не только для еврейства характерный) тип суровой непре-

* Богданов А. А. Психический подбор. С. 503.

** Бентамовская философия утилитаризма стала базовой моделью человека в *mainstream* западной экономической теории, моделью *гедониста-оптимизатора* — «маржиналистского человека», рационально оценивающего все кругом для исчисления степени полезности для себя покупаемых и потребляемых благ.

*** Богданов А. А. Психический подбор. С. 511.

**** Там же.

клонности в борьбе за свою истину. В этом случае ограничение и упрощение материала психических комбинаций приводит к росту однородности ассоциативных связей — недостаток широты и пластичности душевной организации вознаграждается ее стройностью и прочностью, «выдержанностью» характера.

Богданов предполагал, что эти высшие типы «неуравновешенного» подбора дополняют друг друга среди творцов культуры. «Трудно сказать, кто больше дал для развития и силы человечества — светлые ли, жизнерадостные “эллины”, представители переливающейся через край полноты жизни, или суровые моноидеисты “иудеи”, представители той принципиальной гармонии жизни, которая выражается в ее стихийной цельности, во всепобеждающей верности себе»*.

Но при меньшем диапазоне переживаний «эллинский» тип суживается до мелкой жизнерадостности богемы и бонвиванов вроде «золотой молодежи», «сибарита»; суровый «моноидеист» — до ограниченного фанатика догмы, беспощадного к себе и другим, прекрасного орудия в руках высших организаторов.

Среди характерологов — современников А. А. Богданова наиболее близкую к его подходу классификацию личностей обосновал А. Ф. Лазурский (1874—1917), ученик В. М. Бехтерева, профессор Психоневрологического института. Он также выделял высший, средний и низший уровни в типологии характеров, но, в отличие от Богданова, на каждом уровне «извращенные типы»**. Несмотря на то, что ученые были почти сверстниками, очевидно, они не знали о работах друг друга.

Вернемся теперь к высшим неуравновешенным типам гедонического подбора. В «благодушном эклектизме» эллинского типа, заключает Богданов, «недостаточно монизма». В иудейском «монистическая» тенденция бывает «выражена в полной мере»: все психическое содержание «тесно связывается и охватывается одною могучей идеей, на которой концентрируется вся энергия жизни»; активность воли отличается неуклонной последовательностью, «строгим единством направления»***. Единство это укрепляется интенсивными волевыми импульса-

* Там же. С. 501.

** Лазурский А. Ф. Классификация личностей. М., 2018; Лазурский А. Ф. Теория личности: 100 лет забвения и развития / под ред. В. Ю. Слабинского. СПб., 2017.

*** Богданов А. А. Психический подбор. С. 500.

ми в ответ на угнетающие воздействия среды. Когда могучая натура через массу страданий развивается вопреки «злой судьбе», присущий уравновешенному типу реализм мировоззрения и активного творчества сменяется отчасти противоположной тенденцией. А именно «тем своеобразным отпечатком, который характеризуется словом «утопизм»*. Наибольшую роль в психическом творчестве играют те немногие «реалистические» комплексы, которые окрашиваются не отрицательным, а положительным аффекционалом (намеки самой жизни на счастье), и еще больше — те «производные от реальных комбинаций, которые сами... *не имеют себе прямой опоры во внешней среде*, но постоянно сопровождаются положительным аффекционалом (идеальная картина счастья)». «Интенсивное действие отрицательного подбора аналогично действию молота, который дробит и уничтожает все непрочное и неустойчивое, но выковыывает то, что действительно прочно, и, выделяя его из всего остального, придает ему чистоту и определенность форм»**.

Богданов в качестве яркого исторического примера характеризуемого типа приводит протопопа-старовера Аввакума, чья «ужасная биография ставит перед нами загадку о том, как из непрерывной цепи невероятных страданий возникает гигантская сила железной воли, абсолютно не способной себе изменить ни при каких условиях»***. Но создается впечатление, что молодой еще автор «Эмпириомонизма» отчасти описывает самого себя и пророчествует о собственной судьбе марксистского «еретика» — создателя «Тектологии».

Он пережил изрядно к четвертому десятку лет: ветхозаветные (вплоть до порки) методы отцовского воспитания и скандалы между родителями; пережитые смерти двух маленьких братьев, отворотившие от бога как лишь «отблеска того непоправимого, которое неожиданно приходит и беспощадно сжимает сердце»; «казарменно-тюремные» условия казеннокоштного обучения в тульской гимназии; частая голодная нужда в студенчестве и смерть ребенка в тульской ссылке; серьезная операция. Однако знакомые Богданова свидетельствовали не только о том, что тогда от его молодой еще фигуры веяло не

* Богданов А. А. Психический подбор. С. 498–499.

** Там же.

*** Там же. С. 501.

только душевной чистотой*, но и бодростью и энергией**. Целое поколение социал-демократии училось по его учебникам политэкономии. Крупные организаторские способности, конспиративное мастерство, литературный талант, разностороннее образование обеспечили Богданову исключительное место в социал-демократических партийных рядах***. Большие творческие замыслы воплотились в объемном труде «Эмпириомонизм» и многослойном романе «Красная звезда».

Но зенит политической деятельности Богданова вскоре остался позади. Один за другим следовали разрывы — с Лениным, рабочим-философом Михаилом «Заводским» (Н. Вилонным), М. Горьким, группой «Вперед». Смерть благосклонного издателя А. И. Чарушникова (1852—1913) затруднила публикацию новых произведений. Удручающее зрелище «фабрики трупов» и «троглодитских» нравов на фронте мировой войны; смерть второй жены, родившей Богданову сына, — все это спровоцировало тяжелый нервный срыв, сердечную болезнь, не отпускавшую все революционные годы, когда тектолог наблюдал вокруг «гибельное разорение»****. Он даже писал, что в «военно-коммунистической» революции, в отличие от прежних, не было «взрывов смеха, юмористики», так истощены были народные силы.

Правда, он получил пролеткультовскую трибуну для распространения своих идей и приветствовал нескольких «соратников», последовавших вместе с ним по пути тектологического исследования. Но эти товарищи оказались весьма скромной силой, чего нельзя сказать о «товарищах» из ЦК партии власти, в которую «неортодоксальный» Богданов отказался вступить. Итог — изгнание из Пролеткульта, арест, идейная изоляция. Какое-то время после ареста Богданов выглядел надломленным разочарованиями, травлей, отступничествами. «Положение в борьбе за новую культуру» — «один за всех, все против одного»; пролеткультовцы — «Петры, трижды отрекшиеся», —

* Ермолаев И. Е. Указ. соч.; Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000. С. 436.

** Фриче В. М. Памяти А. А. Богданова // Молодая гвардия. 1928. № 7.

*** И. С<кворцов-Степанов>. Памяти А. Богданова // Известия ВЦИК. 1928. № 84.

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 464.

отмечал Богданов в записных книжках*. Но собрался с силами, снова воодушевился, когда начал организацию Института переливания крови, первоначально за счет своих гонораров от переизданий учебников и романов.

Вопреки отсечению от «пролетарской» партии и собственным же выводам военного времени о «провале классового сознания»**, о том, что «не на том уровне культуры и организованности» стоит рабочий класс***, Богданов в 1920-е годы продолжал твердить о «пролетарском коллективизме» как высшем общественном идеале. Видимо, воспоминания о совместном с рабочими овладении марксизмом, *сотворчестве* в тульском кружке для Богданова-тектолога — это «намекы самой жизни на счастье» в типе «моноидеиста», описанные для случая неуравновешенного психического подбора Богдановым-эмпириомонистом. «Товарищеский кружок людей, сознательно стремящихся к одной общей цели, которая глубоко проникает собою всю их жизнь, чувства и волю, налагает свой отпечаток на все их мысли и представления. Кто жил в такой группе, жил в ней реальной, а не призрачной жизнью — потому что бывают и призрачные объединения — для того эти отношения навсегда останутся лучшим, самым дорогим из всего, что дал ему жизненный опыт — конкретным образом практических идеалов нашего времени и в то же время зародышевой формой их осуществления»****. Один из учеников Богданова, токарь Сергей Степанов, в 1917 году не поддержавший большевиков, в 1919 году вернулся в партию и стал директором Тульского патронного завода. В 1922 году он был признан лучшим «красным директором» страны. А его учитель опирался уже на психологические «производные, не имеющие прямой опоры во внешней среде», — «социальный идеал *maximim'a* организованности» как образ, восполняющий действительность с ее тяготами и чаяниями. «*Утопизм, строгая последовательность* мышления и воли, неуклонная *активность* в жизненной борьбе» — черты идейно-волевого типа характера, описанные в концепции гедонического подбора. Это тип сожженного «никонианами» протопopa Аввакума, сожженного

* РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 31.

** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 322.

*** Там же. С. 355.

**** Богданов А. А. Из психологии общества. С. 200.

католиками Джордано Бруно, отлученного иудеями Спинозы. И отлученного «ортодоксами» Богданова, одержимого *figo tectologicus**, как он писал о себе в начале работы над «всеобщей организационной наукой». Венцом тектологического фурора стала активность в борьбе с «советской изношенностью», с туберкулезом — за коллективную жизнеспособность.

Воплощением противоположного высшего неуравновешенного типа гедонического подбора — эллинского «благодарного эклектизма» можно считать многолетнего друга и родственника А. А. Богданова А. В. Луначарского. «Позитивного эстетика», разводившего марксизм в «эмульсии» с эмпириокритицизмом и нищенством, «богостроителя», наркома просвещения. Разносторонне одаренный и образованный, «лучший после Жореса**» оратор Европы, достойный собеседник ее крупнейших культурных деятелей (включая лауреатов Нобелевских премий М. Склодовскую-Кюри, К. Шпителлера и др.), но с подмечаемым многими легкомыслием. «Делал глупости и впредь будет их делать» (Богданов по поводу книги Луначарского «Религия и социализм»). Мягкий, покладистый, охотно идущий на компромиссы с верхами правящей партии ради высокой должности и материальных благ. Но в то же время задорный полемист и лукавец, «единым Махом семерых побивахом» на философском диспуте в Вологде***; нередко «гримировавшийся» под «ленинскую теорию культуры» собственное художественное кредо****; завуалировавший после отставки ехидную насмешку над Сталиным в энциклопедической (!) статье о Гарибальди*****.

* Богданов А. А. Письма В. В. Вересаеву // Вестник МИАБ. 2002. № 2(10). С. 96.

** Ермолаев И. Е. Указ. соч.

*** Там же.

**** «Анатолий Васильевич привел высказывание В. И. Ленина. В этот момент какая-то экспансивная слушательница подала визгливую реплику из зала:

— Ленин никогда этого не говорил!

— *Вам*, мадам, он этого не говорил, а *мне* говорил, — спокойно парировал Луначарский» (Филиппов Б. М. Записки «Домового». М., 1978. С. 188).

***** «Хозяином Неаполя вскоре оказался не косматый лев национальной революции Гарибальди, с его красной рубашкой и пламенной жестикующей, а курносый карапуз Виктор Эммануил, на самой усатой и пузатой наружности которого лежали карикатурно выразительные черты буржуаз-

Одна из многолетних фальсификаций «материалистами-диалектиками» идей Богданова, начиная с первого большевистского охаивания тектологии В. Милутиным еще в 1914 году и заканчивая брошюрой Э. Ильенкова «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма», — отождествление «миростроительных» формулировок Богданова с «богостроительской» метонимией Луначарского («Религия и социализм») и Горького (повесть «Исповедь»). То, что Богданов *не был и не мог быть* «богостроителем», как и то, что, в противоположность Горькому и Луначарскому, он никогда не увлекался идеей бессмертия — разница, обусловленная характерологической противоположностью. И не только в терминах концепции гедонического подбора.

Институт переливания крови получил в свое распоряжение старинный особняк купца Игумнова в Москве на Якиманке. Там же были выделены помещения для Государственного института мозга, куда несколько десятилетий поступали для исследования мозги видных умерших политиков, ученых, конструкторов, деятелей художественной культуры. Есть выводы современного палеоневролога, что мозг Богданова, переданный после его смерти в Институт мозга, был самым выдающимся из всех, сохранившихся там. Не будем спешить, но показательна подчеркнутая палеоневрологом деталь: прекрасно развитый комплекс полей в речевой зоне Брока *левого полушария* мозга А. А. Богданова*.

Эта деталь подтверждает вывод, сделанный мной в краткой интеллектуальной биографии А. А. Богданова, о его ярко выраженном «левополушарном» мышлении, тяготеющем к основательной проработке раз составленной модели реальности, о стремлении к однозначному контексту, ориентации на поиск средств (инструментария) деятельности, понимании красоты как высокой целесообразности**.

Совсем иное «правополушарное» мышление. «Бесцензурное»*** право на ошибку, наличие блока мифотвор-

ности» (Луначарский А. В. Гарибальди // Большая советская энциклопедия. Т. 14. М., 1929. Стлб. 586).

* Савельев С. В. Изменчивость и гениальность. М., 2012. С. 104–105.

** Гловели Г. Д. «Социализм науки»: мебиусова лента А. А. Богданова. М., 1991. С. 21–24.

*** Известный физиолог акад. П. В. Симонов сравнивал «левое полушарие» человеческого мозга с цензурой, которая охраняет строгий порядок коллективного опыта человечества, сконцентрированного в со-знании (знании,

чества, склонность к причудливости и гротеску, преувеличенный декор и претенциозность*. Это мышление, с одной стороны, Н. Бердяева или С. Булгакова, с другой — Луначарского, певца «безумства храбрых» М. Горького или «поэта рабочего удара» А. Гастева (вспоминавшего о «потрясающе грузной возне мысли, которая происходила в мозгу Ленина»** и проповедовавшего, по словам Луначарского, вредоносное «фантастическое машиномолайство»***).

В конце XX века исследователи функциональной межполушарной асимметрии человеческого мозга отметили, что она проявляется в *разных способах* организации контекстуальной связи на одном и том проблемном материале****, что характерологические черты полушарий поразительно совпадают с традиционными концепциями психологии творчества. К сокровищам знания «движутся с двух противоположных сторон»*****; «левополушарные» и «правополушарные» стили мышления дополняют друг друга синхронно в точных науках и философии (Декарт и Паскаль*****, Лейбниц и Ньютон*****) или в ритмическом чередовании в искусстве и архитектуре. «Сила человеческого мозга заключается в согласованной деятельности двух интеллектуальных центров — “левого” и “правого”»*****.

которое можно передать другому), защищает его от сомнительных, не подтвержденных практикой, причудливых комбинаций.

* Маслов С. Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. Вып. 20. М., 1983.

** Гастев А. К. Свидание с Лениным // Организация труда. 1924. № 1. С. 13.

*** Луначарский А. В. Фантастическое машиномолайство // Спорные проблемы марксистской педагогики. Сб. ст. / под ред. А. З. Иоаннисиани. М., 1930.

**** Ротенберг В., Аршавский В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4.

***** Иванов С. М. Абсолютное зеркало. М., 1986. С. 191.

***** Гловели Г. Д. «Разнополушарные» философы // Вестник МИАБ. 2004. № 2(22).

***** Яглом И. М. Почему высшую математику открыли одновременно Ньютон и Лейбниц? // Число и мысль. Вып. 6. М., 1983.

***** Там же. С. 124.

Но в культуре и истории проявилась и «рассогласованная», дисгармоничная (словно у «расщепленного» мозга) «работа» полушарий, в том числе в таком движении, как социализм. Само слово «социализм» появилось в школе французских сен-симонистов, где один лидер превратил учение в систему (С.-А. Базар; именно он, а не Маркс, Энгельс или Ленин, является автором формулы социализма «каждый — по способностям, каждому — по труду»), а другой (П. Анфантен) пытался обратить сен-симонизм в культ. Аналогичным рассогласованием была богостроительская «влажность» Горького и Луначарского как дополнение к суховатому «научному монизму» и философскому коллективизму Богданова.

«Правополушарное» образное восприятие мира многозначно и необходимо для наиболее полного чувственного контакта с реальностью, тогда как «левополушарное» необходимо для однозначного взаимопонимания между членами общества, анализа причинно-следственных отношений между предметами и явлениями. Оно обеспечивает построение внутренне непротиворечивой модели мира, но неизбежно обедняет субъективную картину, выбирая лишь некоторые из всех возможных связей между предметами и явлениями (Богданов: «у человечества нет иной деятельности, кроме организационной»). И оно склонно к детальной разработке однажды составленной модели реальности — «организации поиска вывода в фиксированном исчислении»*.

«Левополушарность» мышления обусловила не только «научный монизм» и коллективизм Богданова, но и такой парадокс его дискурса, как зацикленность на понятиях «эфир» и «пролетариат», при настойчиво проводимом им же принципе *релятивизма* понятий и истин. Этот принцип, отрицающий «абсолюты» и веру в них, столкнул Богданова с русской марксистской «ортодоксией». Но, дебатирова с последней об историзме понятия «материя» и ограниченности диалектического метода, а также апеллируя к теории относительности как к проявлению универсальности релятивистского принципа, Богданов упорно не видел, что эта теория разрывает с понятием «эфир», также как физика и химия разорвали с прежним атомистическим понятием «материя».

В момент разрыва с ортодоксией Богданов назвал «забавным противоречием» то, что «абсолютной и вечной истиной объяв-

* Маслов С. Ю. Указ. соч.

ляют марксизм, учение, радикально отрицающее всякие абсолютные и вечные истины»*. Позднее, когда *вера* в марксизм была возведена в монополярную доктрину партии власти, стало ясно, что это совсем не забавно. «Субъектом науки является не партия, а субъектом науки является человечество в его развитии», — утверждал Богданов в Комакадемии. Но продолжал настаивать на «пролетарской науке», говоря, что имеет в виду «пролетариат как представителя наиболее прогрессивных тенденций всего человечества»**. Так и не объяснив, почему при относительности истин, организационных понятий, классовых категорий должна называться *пролетарской* культура, направленная к бесклассовому обществу, организованному без «разделения между научной теорией и непосредственной трудовой практикой». Почему *пролетарским* будет называться труд, в котором «работа мысли получает все большее преобладание над работой мускулов», а перемена занятий требует все больше умственной гибкости и разносторонности опыта***.

Впрочем, в утопическом обществе «Красной звезды» трудящиеся не называются пролетариями, более того, многие предпочитают «жить совершенно отдельно», «главным образом те, кто всего больше занимается научными исследованиями или художественным творчеством»****, что явно не совпадает с абсолютизацией в экономических учебниках Богданова тенденций к растворению научной работы в коллективных «фабриках мысли». Наконец, при всей умеренности эмоций на планете, получающей вдвое меньше энергии от Солнца сравнительно с буйной Землей, сказываются различия в темпераментах, что опять-таки не совпадает с ходульным положением экономических учебников Богданова о «высокой психической однородности» в будущем коллективистском обществе.

В своем последнем «футурологическом» этюде — послесловии к грузинскому переводу «Красной звезды» Богданов вообще не затронул каких-то социально-психологических проблем, ограничившись несколькими технико-экономическими штрихами. В своем же последнем публичном докладе назвал великие философские системы прошлого «познавательными

* Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. С. 30.

** Вестник Коммунистической академии. 1925. Вып. 11. С. 306.

*** Богданов А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. С. 279—280.

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 146.

монистическими утопиями»*. Но такой в силу «левополушарной» односторонности мышления ее творца стала и «всеобщая организационная наука», задуманная как «преодоление» философии и универсальный теоретический инструментарий для практики строительства социализма.

Интегративные тенденции в науках конца XX века способствовали возрождению интереса к «Тектологии» как эвристической системной концепции, но, выражаясь тектологическим языком, вероятной контрдифференциацией для продолжающегося системного расхождения научного знания является не какая-то новая единая наука, а рост междисциплинарных исследований. И для них интерес представляет не только тектология как первая разработка наддисциплинарного системного анализа, но и «Тектология» как «монистическая утопия», а также жизненная и творческая судьба ее создателя. Говоря словами Богданова, «в истории науки найдется немало давно отживших теорий и гипотез, которые, однако, могут еще служить ценным тектологическим материалом. В этом смысле тектология сохранит и сбережет для человечества много его труда, кристаллизованного в истинах прошлого». В том числе в богдановских обобщениях.

Тектология оздоровления: против блефа о «красном вампиризме»

Параграф «Тектология борьбы со старостью», который правильнее бы назвать «Тектология оздоровления», был добавлен ко второй части 3-го издания «Тектологии» А. А. Богдановым, уже развернувшим организацию первого в мире Института переливания крови. Богданов был увлечен опытной проверкой методов тектологии и вывода о том, что «обмен крови должен приводить к глубокому очищению и освежению организма, к освобождению организма от специфических вредных для него внутренних ядов»**.

К сожалению, и эта сторона деятельности Богданова дискредитировалась. С начала 1930-х годов руководство Института переливания крови дистанцировалось от идеи Богданова о том,

* Вестник Коммунистической академии. Вып. 11. 1927. С. 260.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 371.

что обмен крови между двумя добровольцами может приводить к «положительному увеличению суммы элементов развития». Статья «Трансфузиология крови» в Большой медицинской энциклопедии (1935, т. 32) в мрачном стиле времени обвиняла Богданова не только в «механицизме», но и «витализме» и даже склонности к мистицизму. Тем не менее заслуги Богданова как одного из организаторов отечественной службы переливания крови не отрицались, благодаря чему была хоть как-то отмечена столетняя годовщина его рождения*.

Но, в отличие от других сфер деятельности Богданова, кривотолки и спекуляции вокруг его взглядов как врача развернулись не в советское, а уже в постсоветское время вследствие погони журналистов и вульгаризаторов за дешевой псевдоисторической сенсационностью. Отпечаток этих спекуляций лежит, например, на фильме «Анатолий Луначарский. Минорносец “Легкомысленный”» (2014), выпущенном в серии «Гении и злодеи» ВГТРК «Культура» (проект «Цивилизация»), которая содержит в целом немало хороших биографических фильмов (в том числе вышедший позднее единственный документальный фильм о А. А. Богданове). В фильме утверждается, что Луначарский встретился в Вологде с Богдановым, занимавшимся «оккультными науками» и «одержимым» идеей «вечной жизни», которой можно достигнуть с помощью обменных переливаний крови между старыми и молодыми. Это — пример того, сколько лжи может поместиться в одной фразе, поскольку,

во-первых, Богданов никогда не занимался оккультными науками;

во-вторых, Богданов не мог зачитывать Луначарскому в вологодской ссылке страниц из романа «Красная звезда», написанного гораздо позже и содержащего первое изложение идеи обменного переливания крови, но как средства двукратного увеличения продолжительности жизни**, а вовсе не бессмертия;

в-третьих, для Богданова принципиальна постановка вопроса *именно не о «вечной жизни»* (личном бессмертии), а о продлении активной жизни до физиологических пределов, после которых смерть воспринимается как в полном смысле естественное завершение жизненного пути организма, причем в этом

* Белицкая А. Я. Александр Александрович Богданов и его жизненный подвиг (К 100-летию со дня рождения) // Советское здравоохранение. 1974. № 3.

** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 158.

случае допускается даже добровольный уход до «естественного конца», когда «чувство жизни слабеет и притупляется»*.

Появление в «Красной звезде» танатологического аспекта произошло под воздействием книги знаменитого русско-французского врача И. Мечникова «Этюды оптимизма» (1907). Тот считал, что здоровый образ жизни, гигиена и медицина способны продлить жизнь до наступления примерно в 140 лет «спокойной естественной смерти», связанной с «особым инстинктом, сходным с потребностью уснуть»**. Особенностью позиции Мечникова было указание на самоотравление человеческого организма гнилостными бактериями, паразитирующими в кишечнике, как на причину наступления ранней старости и преждевременной смерти. Как средство против аутоинтоксикации Мечников рекомендовал культуру молочнокислых бактерий и главным образом болгарской палочки***.

Богданов, разделяя мысль о «спокойной естественной смерти», пришел к выводу, что «при соблюдении всех предосторожностей» именно «одновременное переливание крови от одного человека другому и обратно» может стать решающим средством борьбы с аутоинтоксикацией и товарищеской передачи «массы условий повышения жизни»****.

Фальсификация тектологическо-трансфизиологической программы Богданова в современных СМИ, перекочевавшая уже и в некоторые биографические очерки о Богданове, ведется по трем основным «примыслам»:

1) главной целью создания Института переливания крови было продление жизни «старым большевикам»;

2) процедуры состояли в «омолаживании» пожилых «ветеранов партии» кровью молодежи, которая, в свою очередь, связывалась «кровными узами» с проверенными борцами за истинный коллективизм;

3) это был «красный вампиризм» как часть реализации проекта «создания нового человека» и «симбиоза политического радикализма и оккультизма в рамках единого мировоззрения».

* Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 157.

** Мечников И. И. Этюды оптимизма. М., 2017. Серия: Антология мысли. С. 106–107.

*** Там же. С. 151.

**** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 158.

Тон распространению блефа был задан неким М. Одесским, стремившимся подогнать наследие Богданова под «магистральное направление» пресловутого «серебряного века». По его словам, не понимающего одного и перевирающего другое, «марсианское» место действия утопической романной дилогии Богданова «не свободно от оккультных ассоциаций», поскольку, «по мнению оккультистов, “красная звезда” — древнеегипетское обозначение планеты Марс, а Марс, звезда (пентаграмма) и красный цвет — оккультные символы»*, связанные с «романом ужасов» ирландского писателя Б. Стокера «Дракула» о вампире-аристократе (отсылающим к средневековой легенде о валашском господаре). А Богданов, вводя в «Красную звезду» идею благотворного воздействия переливания крови, во второй роман дилогии «Инженер Мэнни» включил главу «Легенда о вампирах» и «сюжетный ход, несколько неожиданный для автора-атеиста»**: встреча с Вампиром, подтолкнувшая Мэнни к самоубийству, и предшествующий этому спор главного героя с сыном, утверждающим, что «у народной поэзии способы выражать истину иные, чем у точной науки», и в нелепой сказке «воплощена одна из величайших, хотя, правда, и самых мрачных истин о жизни и смерти».

Одесскому и подхватившим его блеф невдомек, что, во-первых, планету Марс «красной звездой» называли отнюдь не только египтяне, и художественный прием изображения именно на Марсе высокоразвитой цивилизации был прямым заимствованием из астрономических дебатов того времени о марсианских «каналах»***. А «красная звезда» в качестве астрономической аллегории вовсе не подразумевалась *пятиконечной* (пентаграммой), как позднее эмблема Красной армии и деталь герба СССР. На обложке (воспроизведенной в Википедии) первого переиздания утопии Богданова в 1918 году «красная звезда» изображена как *восьмиконечная* (октаграмма)!

Во-вторых, современные журналисты и филологи, конечно, скорее, читали «Дракулу», чем «Капитал» К. Маркса, но ведь Богданов-то не только изучал «Капитал» вместе с тульскими

* Одесский М. Д. Миф о вампире и русская социал-демократия // Литературное обозрение. 1995. № 3.

** Там же.

*** Брунс Ф. Планета Марс по новейшим наблюдениям // Научное обозрение. 1899. № 10, 11, 12; 1900. № 8, 9; Фламарион К. Живописная астрономия / пер. Е. Предтеченского. 2-е изд. СПб., 1900.

и другими рабочими, но позже и редактировал новый полный русский перевод «Капитала», осуществленный В. Базаровым и И. Степановым. А у Маркса в главе «Рабочий день» 1-го тома «Капитала» есть броское определение: «Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд»*. Более того, когда Богданов занялся разработкой марксистской концепции *происхождения религии*, его внимание привлек «смутно выраженный в примитивном мышлении реальный факт, что мертвое тело часто является источником вреда и опасностей (при эпидемиях и просто при скоплении гниющих тел, отравляющих почвы и воду и т. п.). В старых арийских верованиях “жильцы могил”, “упыри”, “вурдалаки” и т. п.) — это *те самые мертвые тела*, которые похоронены; они встают из могил и вредят людям; и все методы их усмирения применяются именно к самым телам. Осложнение вампиризма идеей о злых духах, которые оживляют мертвецов, поселяясь в них, — продукт весьма позднейший, чуждый даже сказаниям ранней феодальной эпохи...»** Отметим, что здесь вампиризм вообще *не имеет связи с кровью*, и именно в этом смысле Богданов использует метафору «вампир» для обозначения и тех людей, которые переживают самих себя как общественных деятелей и начинают играть реакционную роль, и тех отживших идей, которые упорно «впиваются в жизнь»***.

И в этом смысле Богданов указывал на опасность «вампиризма», которую несет превращение Плехановым и Лениным в предмет веры, в «Священное Писание» *текстов «самих»* Маркса и Энгельса: «имя этому вампиру — *абсолютный марксизм*»****.

Итак, никаких «окультурных ассоциаций» тектологическая трансфузиология Богданова не имела и «вечной жизни» не обещала (идею достижимости физического бессмертия Богда-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 30 т. Т. 23. 2-е изд. М., 1960. С. 244.

** Богданов А. А. Падение великого фетишизма. М., 1910. С. 37–38. В очерке «Упыри», напечатанном в газете «Киевская мысль» в 1910 году (№ 197 от 19 июля), Богданов подробнее остановился на исторических примерах «вампиризма» сословных институтов — «феодално-бюрократическом упыре» во Франции и «феодално-католическом упыре» в Испании.

*** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 265.

**** Богданов А. А. Вера и наука // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 84, 88.

нов прямо критиковал в письме стороннику этой идеи М. Горькому). Остается последний компонент блефа — об омоложении «старых большевиков» как якобы цели Института переливания крови и о том, что «согласно принципам обменного переливания крови, операция в идеале требует участия престарелого и юноши, а значит, “партнерами” социалистов-пациентов должны быть люди молодые»*.

На самом деле, как подчеркивает Богданов в параграфе «Тектология борьбы со старостью», «было бы наивно предполагать, как думали в старые времена некоторые алхимики, что молодая кровь просто, так сказать, механически способна омолодить старый организм заключающимся в ней избытком “жизненной силы”»**. Более того, подчеркивал он в брошюре «Год работы Института переливания крови», «и теория, и наш опыт сходятся на том, что кровь пожилых имеет, вообще говоря, свои преимущества (хотя бы возрастные иммунитеты)»***. И даже предполагал, что больше пользы могут получить «молодые работники, особенно те, которые совмещают ученье с общественной деятельностью и трудом для заработка»****.

Увеличение возможностей организма для приспособления и развития Богданов связывал с тем, что *иная кровь* может вносить элементы, помогающие устранить «слабые звенья», которые у разных людей разные, поэтому не только старые и молодые могут обоюдно выиграть от обменного переливания, но даже и *люди примерно одного возраста*. Подчеркивая, что работа только началась и выводы делать рано, Богданов среди наиболее успешных результатов первого года деятельности института описал случаи, которые могут быть сгруппированы в три типа:

— улучшение здоровья у пожилых людей после обмена кровью с молодыми, особенно у 54-летнего инженера Нагорского, обменявшегося кровью с девушкой 23 лет*****;

* Одесский М. Указ. соч.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 370.

*** Богданов А. А. Год работы Института переливания крови (1926–1927). М., 1927. С. 12–13.

**** Там же. С. 32.

***** Там же. С. 29.

— улучшение здоровья у больных после обмена с более здоровыми людьми примерно их возраста*: ответственного работника Цивцивадзе (заместителя заведующего московским коммунальным хозяйством); крестьянина из Семипалатинской области (в отчаянии приехавшего в Москву с туберкулезом после прочтения заметки об институте в газете «Беднота») и московского бухгалтера, донорами которых выступили их жены**;

— операция, поставившая на ноги 5-летнего ребенка с туберкулезной наследственностью, который до этого не мог ходить***; обмен кровью одного ответственного работника 42 лет, физически довольно здорового и сильного, но неврастеника, с 17-летней дочерью, после чего «девушка буквально расцвела»****.

Заметим, что еще один распространитель блефа о «вампирической революции» Богданова — плодовитый литератор Первушин перевирает уже версию, противоположную версии Одесского и других, о том, что при обменном переливании крови выигрывал более молодой участник. Первушин приводит побасенку о том, как успешно «заменяли кровь» 25-летнему «хилому» сыну самого Богданова кровью «40-летнего атлета»*****. На самом деле сыну Богданова А. Малиновскому было 17 лет во время операции (когда отец погиб — 19), а его партнером был 63-летний заместитель директора института доктор С. Л. Малолетков — в прошлом главврач старейшей в Москве Голицынской больницы, с которым Богданов познакомился в эвакуационном госпитале во время мировой войны. С. Л. Малолетков прожил больше 80 лет (1863—1944), а А. А. Малиновский, несмотря на перипетии, связанные с гонениями на него как на генетика во времена «лысенковщины» — 87.

Отметим еще одну деталь — мать Малиновского-младшего умерла в 40 лет от туберкулеза. Ни одна болезнь (не считая гриппа-«испанки» и тифа во время Гражданской войны в России) не косила в те годы столько людей и особенно молодых, в том числе рабочих-самородков, сыгравших важную роль

* Богданов А. А. Год работы Института переливания крови. С. 32.

** Там же. С. 7, 22.

*** Там же. С. 22.

**** Там же. С. 27.

***** Первушин А. Оккультный Сталин. URL: https://www.litres.ru/anton-pervushin/okkultnyystalin/?block_main=165468&track=from_main

в жизни Богданова: туляка Ивана Савельева (1870–1900), организатора, «может быть, гениального»*, рабочих кружков на оружейном и патронном заводах, уральца «Михаила Заводского» (Н. Вилонова, 1883–1910), организатора Каприйской школы. И вполне вероятно, что во время организации Института переливания крови его директор думал в первую очередь именно о туберкулезе как своим главным враге на фронте «борьбы сил жизни с силами стихий»**, об «иммунитетной» помощи молодежи в условиях «советской изношенности», обусловленной «несоразмерностью между индивидуальными силами организма и тяжестью жизненных задач, которые он вынуждается решать в данной социально-хозяйственной обстановке»***. Поэтому и заглавие последней книги А. А. Богданова «Борьба за жизнеспособность» — шире по смыслу, чем «тектология борьбы со старостью».

Можно согласиться с историком трансфузиологии, что богдановская идея обмена кровью, хотя и принадлежала социалистической мысли, относилась скорее к «дерзкой разновидности естествознания, давшей о себе знать на рубеже XIX и XX вв.»****, но лишь отчасти. Безусловно, что тектологическо-трансфузиологическая программа была органической частью «монистической утопии», вдохновлявшей Богданова и как естествоиспытателя, и как социального мыслителя и общественного деятеля («социоиспытателя»). Однако она заслуживает взвешенных и добросовестных критико-аналитических оценок, а не рекламистского блефа, примеры которого приведены здесь.

Дегрессия и парадокс Адама Смита

Политэкономия и социология XIX века сформировались как научные дисциплины на антитезе сословно-абсолютистского, военно-теократического, авторитарного «старого режима» и нового общества «мирных» промышленных добродетелей. Однако наметилось принципиальное расхождение в понимании принципов общественной организации, которые должны заме-

* Богданов А. А. О пролетарской культуре. С. 239.

** Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. С. 423.

*** Богданов А. А. Год работы Института переливания крови. С. 25.

**** Михель Д. В. Переливание крови в России. 1900–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 2. С. 104.

нить собой авторитарное насилие светских и духовных властей. Французский позитивизм предлагал для промышленного или научно-промышленного общества ориентир интеллектуального единения на основе познания — «новое христианство» (А. де Сен-Симон), «возрастание ассоциации» (сен-симонизм), «социократия», «религия человечества» (О. Конт). Политэкономический «классический» либерализм проповедовал режим свободной от государственного вмешательства конкуренции «атомизированных» индивидов, преследующих «самоинтерес» (self-interest) извлечения торгово-промышленной прибыли и накопления капитала (laissez faire). Родоначальник классической политэкономии А. Смит провозвестил, что не «от благодетельности», а от эгоизма продавцов товаров «ожидаем мы получить свой обед»*; преследуя лишь собственную выгоду — максимум меновой стоимости, частный производитель «невидимой рукой направляется к цели, которая совпадает и не входила в его намерения»**. А систематизатор доктрины член парламента Д. Рикардо отверг реформистский «благодетельный энтузиазм» фабриканта-филантропа Р. Оуэна, заявив, что «опыт веков говорит решительно против» перспектив производительного труда без стимула частного интереса***.

В дальнейшем либеральное доктринерство пополнилось утилитаристской этикой Бентама, обещавшей максимум общественной пользы от преследования каждым индивидуальной выгоды; концепцией «накопленного труда» эпигонов Рикардо; практикой и публицистикой английского и французского фритредерства («манчестерства») и, наконец, позитивистской социологией Г. Спенсера, отмежевавшегося от французского утопизма. Спенсерианство отождествило режим свободной конкуренции в экономике с универсальной закономерностью «выживания наиболее приспособленных» (социал-дарвинизм), а промышленное общество — с «индивидуальной свободой, которую предполагает всякая коммерческая сделка»****.

По контрасту с откровенными военно-захватническими устремлениями раскритикованной А. Смитом «меркантилист-

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. С. 77.

** Там же. С. 443.

*** Цит. по: Рязанов Д. Б. Оуэн и Рикардо // Под знаменем марксизма. 1922. № 4. С. 15.

**** Спенсер Г. Основания социологии. Ч. 2. СПб., 1877. С. 613.

ской системы» политэкономическое учение либерализма, казалось, «насквозь проникнуто миролюбием»*, а идеолог манчестерства Дж. Кобден был убежден в пацифирующем влиянии коммерческого «соревнования народов». Однако, вопреки ожиданиям Кобдена**, за европейской «эрой фритредерства» (1860–1875) последовала эпоха кровавого индустриального империализма, а задуманные как витрина «мирного соревнования народов» всемирные выставки стали рекламой производства чудовищных вооружений.

Марксизм, формировавшийся как оппозиция и экономическому либерализму, и позитивизму, затушеввал антитезу военного и промышленного типов общества в формационном подходе, а в доктрине классовой борьбы отказался от мысли о возможности мирно убедить господствующие классы в преимуществах социалистического идеала. Одновременно у раннего либерализма марксизм заимствовал концепцию Смита — Рикардо о трудовой эквивалентности товарного обмена, а у раннего социализма — идеи о возможности превращения труда «из бремени в наслаждение» и научного планирования работ (плановности) в масштабах общества. «Научный» социализм был определен Марксом и Энгельсом как «движение, которое уничтожит современное состояние». Это состояние было описано как «товарный фетишизм», а должное его заменить — как «прозрачно ясные»*** отношения в обществе «ассоциированного труда, выполняемого добровольно, с готовностью и воодушевлением»****. Но «рычага» вооруженной классовой борьбы явно не хватило для перехода от одного состояния к другому; заполнение «пробела» происходило в духе одиозной тирады, которой Н. Бухарин завершил «превосходную» (В. Ульянов-Ленин) главу «Внеэкономическое принуждение в переходный период» (отражение практики «военного коммунизма»): «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом вы-

* Штейн В. М. Развитие экономической мысли. Т. 1: Физиократы и классики. Л., 1924. С. 11.

** Toynbee A. A Study of History. Vol. 1. L., 1934. P. 327.

*** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 80–81.

**** Там же. Т. 16. С. 9.

работки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»*.

Крушение в конце XX века государства, основанного Лениным, сопровождалось не только зубоскальством по поводу диалектического «отрицания отрицания» (если «научный» социализм оказался не «утопическим», то «реальный социализм» — ненаучным, а «развитой социализм» — нереальным), но и решительным международным наступлением «рыночного фундаментализма», отвергающего вмешательство «пагубной самонадеянности» коллективного разума в стихийный «спонтанный» порядок свободной конкуренции. При этом апелляция современного правого либерализма к метафоре «невидимой руки» рынка, направляющий эгоистический частный интерес к общему благу, привела к дискуссии о правомерности возведения к А. Смиту позиции, что лишь «невидимая рука» конкуренции частнособственнических интересов может в итоге привести к «непреднамеренным последствиям», благотворным для всех слоев общества.

Профессор моральной философии А. Смит в своей первой книге «Теория нравственных чувств» (1759) выводил этическое учение из чувства взаимной симпатии между людьми, а в книге «Богатство народов» (1776), написанной после знакомства с учением французской школы Кенэ о «естественном порядке», выстроил здание политической экономии на краеугольном камне эгоистического мотива. Эти обстоятельства дают повод усомниться в последовательности Смита и даже заподозрить его в «шизофренических рассуждениях»**. Апологеты Смита указывают, что и в «Теории нравственных чувств» он, во-первых, делал акцент на несовершенстве природы человека и том, что доброта и милосердная любовь сами по себе являются недостаточно сильными стимулами для сохранения целостности общества. А во-вторых, в утрированной полемике с циничным баснописцем Б. Мандевилем, автором скандального афоризма «пороки частных лиц — благо для общества», Смит доказывал, что частный интерес — не порок, а «добродетель низшего порядка»***. И на этой добродетели основывается экономическое развитие.

* Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 146.

** Седлачек Й. Экономика добра и зла. М., 2017. С. 319.

*** Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 293.

Сложившаяся во второй половине XIX века в Германии историко-этическая школа в политэкономии критиковала смитовскую «догму о своекорыстии», выдвинув в противовес идею *тройственной структуры мотивов хозяйственной деятельности*: эгоистический, коллективно-принудительный (проводимый в общих интересах) и каритативный (благотворительный). Однако главное течение экономической теории XX века отвергло такую постановку вопроса, вернувшись к эгоизму и бентамовскому утилитаризму в модели «экономического человека» как гедониста-оптимизатора, рационально максимизирующего материальную (денежную) выгоду по принципу предельной полезности.

Систематизаторы мейнстримной «неоклассики» подчеркивали, что нет оснований отстаивать, как это делали идеологи социализма, тезис о совершенной природе человека*. Нет оснований, как это делали романтические историки, представлять народ «хорошим, честным, умным, угнетаемым высшими классами»**. Зато есть основания отделить изучение рационально-эгоистического экономического поведения от изучения иррациональных мотивов в других сферах жизни общества. Дальнейшее конструирование модели «экономического человека» в мейнстриме привело к концепции «человеческого капитала», в которой личность рассматривается как предприниматель, организующий собственную жизнь, подобно деловому предприятию с подсчетом максимума выгод и минимизации издержек, и к категории *оппортунистического поведения*, которым человек руководствуется в общественных взаимодействиях. Оно обрекает на утопичность «структуры с изначальной гуманитарной и нерыночной направленностью», требующие «глубокой преданности коллективным целям»***.

Апология «предпринимателя» заняла центральное место в неоавстрийской школе, оставшейся в экономической мысли XX века особняком: в пределах парадигмы предельной полезности, но на обочине неоклассики. За пределы вышел Й. А. Шумпетер — автор наиболее влиятельной концепции «предприни-

* Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. III. М., 1993. С. 198.

** Парето В. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 137.

*** Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб., 1996. С. 102.

мателя» как «новатора», осуществляющего «новые комбинации благ»*. Эта трактовка не удовлетворила главных столпов неоавстрийской школы и непримиримых критиков социализма, коллективизма и государственного «интервенционизма» фон Мизеса и фон Хайека, которые предпочли термины «промотер» (*англ.* promoter — «продвигатель», «тот, кто способствует чему-либо») и «арбитражер» (*франц.* arbitrageur — «спекулянт»). Хайек, описывая рынок как якобы совершенное информационное устройство для распределения экономических ресурсов, приравнивал конкурентное использование «быстротекущих обстоятельств, неизвестных другим людям», к процедуре научного открытия**.

Неоавстрийская школа — наиболее характерный пример эвфемизации буржуазной экономической науки, когда социалдарвинизм («каждый сам за себя и к черту неудачников») или чрезмерный рост спекулятивных сделок скрываются за благозвучием терминов, вроде «расширенный спонтанный порядок человеческого сотрудничества» или «конкуренция-открытие». Впрочем, Хайек откровенно восхвалял циничную «Басню о пчелах» Мандевиля за первую формулировку того, что переход к «расширенному порядку человеческого сотрудничества» требует разрыва с «врожденными инстинктами альтруизма и солидарности», сплывающими малую группу. «Живущие ныне в условиях расширенного порядка выигрывают, когда *не* любят ближнего, как самого себя, и вместо правил солидарности и альтруизма... уважают частную собственность, выполняют заключенные договоры»***.

Американец Э. Шостром (1921—1996), опираясь на таких представителей гуманистической философии и психологии XX века, как М. Бубер, Э. Фромм и А. Маслоу, сформулировал антитезу человек-«манипулятор» — человек-«актуализатор»****, продолжаящую дихотомию Бубера («я — это» и «я — ты»), Фромма («иметь» или «быть») и Маслоу («низкая» — «высокая» синергия). Если сопоставить «человека-манипулятора» Шострома с предпринимателем-новатором

* Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007. С. 132—133.

** Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 92.

*** Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 27.

**** Шостром Э. Анти-Карнеги, или человек-манипулятор. Минск, 1992.

Шумпетера, то второй сильно смахивает на первого: он «не обязан быть умным, интересным, образованным», — но волевым, способным «с боем заводить» нужные связи и выдерживать испытание на прочность, со «специфическим сочетанием остроты видения и ограниченности кругозора с умением идти вперед в одиночку»*. В сравнении с новатором Шумпетера «промоутеры» и «арбитражеры» неоавстрийцев — сниженные типы манипуляторов.

А. А. Богданов описал манипулятора, воспитываемого меновыми отношениями, в своей эмпириомонистической характеристологии (см. выше) и в характеристике рыночных сделок, связывающих людей как манипуляторов. Чтобы живо почувствовать, как рынок «делает речь орудием борьбы интересов», «следует послушать, как торгуются цыган с крестьянином из-за лошади или как ярославец-разносчик рекламирует перед публикой свои товары. Преувеличить достоинства своего товара, отклонить внимание другой стороны от его недостатков, внушить ей ложное представление о состоянии цен на рынке, выведать ее слабые пункты и т. д. — целая боевая тактика, в которой целью высказываний является не взаимное понимание людей, а нечто прямо ему противоположное»**.

Но значит ли это, что можно вместе с Богдановым свести торг к «коренному искажению характера и смысла человеческой речи как способа общения людей»***? Ведь, обращаясь к теории Нуаре, Богданов заметил, что лексика как основная группа дегрессивных форм опыта произошла из своеобразных «отбросов» человеческого развития — трудовых выкриков. Здесь не столь важно, насколько правильна теория Нуаре сама по себе, важен вывод, что депрессия, будучи продуктом «организационно низших группировок, выделяемых, “дезассимилируемых” пластичными комплексами», «есть организационная форма огромного *положительного* значения: только она делает возможным высшее развитие пластичных форм, фиксируя, закрепляя их активности, охраняя нежные комбинации от грубой их среды».

Но ведь и А. Смит писал в «Богатстве народов» о «*грубом равенстве*»**** свободной конкуренции, а в «Теории нрав-

* Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. С. 159.

** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 97.

*** Там же.

**** Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 89.

ственных чувств», напомним, о самоинтересе как «добродетели низшего порядка». Меновая торговля развилась как *депрессия обмена деятельностью* из своеобразных «отбросов» общинности: торговец вынужден был выбирать между социальным отщепенством и убыточностью; типичным решением этой дилеммы было этническое и религиозное отмежевание торговцев, появление торгующих меньшинств*. Принципиально новый этап в развитии речи — алфавит стал следствием заинтересованности в коммерческой тайне финикийских торговцев, снискавших в древности репутацию «обманщиков лукавых, от которых много людей пострадало» (Гомер).

Таким образом, рынок с его осужденной еще Аристотелем хрематистикой, с «чистоганом» и манипуляциями, доводящими буржуазное общество до лживости, что было «ярко обнаружено многими поэтами»**, — это организационная форма огромного *положительного*, но ограниченного значения. Отсюда исторические провалы и проектов ее устранения, и ее отождествления с организационной пластичностью общества.

Подлинная культура формируется, если использовать терминологию А. Смита, «добродетелями высшего порядка» или, если следовать за А. Маслоу, высокосинергическими мотивами. Мотивами, в которых человек выступает не как манипулятор, а как *актуализатор****. Когда он испытывает «восторг научного творчества», вызывающий желание поделиться и порадоваться достигнутым результатом со всеми****. Когда совершает «прорыв своих собственных границ», рассчитывая на идеального Собеседника, «равного по ценности со своею персоною»*****. Когда его переживания гармоничны в эстетическом самозабвении*****.

Но поведение актуализатора — это исключение, а не правило. Высокие мотивы нечасто помогут индивиду «закрепиться»

* Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб., 1999. С. 105–106.

** Богданов А. А. Философия живого опыта. С. 97.

*** Шостром Э. Анти-Карнеги, или человек-манипулятор. С. 35, 43.

**** Крпоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 143.

***** Ухтомский А. А. Ответы на записки после доклада // Журнал высшей нервной деятельности. 1983. Т. 33. № 1. С. 181.

***** Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Т. 1. М., 1904. С. 60.

в нашем меркантильном мире»*, для этого приходится опираться на «добродетели низшего порядка». Последние — грубые дегрессивные «меркантильные» мотивы обмена деятельностью — нельзя устранить, как полагали утопические социалисты. Но нельзя и давать рыночной стихии уравнивать «по низшему» все мотивы человеческого поведения. Как нельзя давать это делать организации, которая «в своей практике живет гораздо более стихийно, чем в сознании своих деятелей»**.

Ингрессия, эгрессия, дегрессия: системный и мир-системный анализ

Возражая хулителям «Всеобщей организационной науки» по поводу введения новых терминов, Богданов настаивал, что в тектологии таковых выработается еще немало, но зато ее приемы позволяют отбросить тысячи старых терминов разных наук, устанавливая «то общее, что скрыто под многообразием специальных оболочек». К сожалению, эвристическая ценность богдановских терминов и скрытых за ними системных обобщений явно недооценена. Между тем их использование может быть весьма плодотворным в направлении, которое Богданов считал определяющим для экономической и социологической школы Маркса и которое предполагает конструктивную критику упущений и преувеличений самих Маркса и Богданова в «науке о связи разных сторон общественного процесса»***.

Ранее было показано, как понятие дегрессии применительно к мотивам человеческого поведения помогает разрешить «проблему Адама Смита». Дегрессия — это один из двух особых, наряду с эгрессией, централистической (или центр-периферической) связью, случаев асимметричной ингрессии — основного типа организационных связей. В рыночной экономике асимметричная ингрессия проявляется в форме сделок, транзакций, связывающих людей как манипуляторов. Марксистская политэкономия вслед за политэкономией Смита — Рикардо рассматривала рыночные сделки как симметричную

* Митчелл У. К. Рациональность экономической деятельности // *Terra Eсоpoticus*. 2010. № 1. С. 103.

** Богданов А. А. Тектология. Гл. IV. § 3.

*** Богданов А. А. Исторический материализм и вопросы первобытной жизни // *Вестник Социалистической академии*. 1923. Вып. 3. С. 16.

ингрессию — обмен по трудовым эквивалентам (закон трудовой стоимости), но введением категории «особый товар — рабочая сила» объясняла перерастание рынка в капитализм. Стандартный мейнстрим определяет капитализм как рыночную экономику с *рассредоточением* экономической власти и *простым* механизмом контакта между покупателями или продавцами, или поставщиками товара и услуги*.

Однако, как показали выдающиеся представители французской структуралистской экономической и исторической мысли XX века Ф. Перру (1903—1987) и Ф. Бродель (1902—1985), рыночные сделки не являются симметричными, а их участники — однородными агентами. Экономические единицы не равны в отношении их места в экономической системе, в отношении их силы, их способности получать, использовать, производить и распространять информацию**. В тектологических терминах деньги — не только выражение депрессивного мотива манипуляции в обмене деятельностью, но и один из самых эффективных элементов власти как способа самоутверждения. *Рыночная власть* — асимметричное воздействие одной экономической единицы на другую.

Предприниматель-новатор Й. Шумпетера — не только манипулятор, но и обладатель более или менее продолжительной временной монополии на источник инновационной сверхприбыли, которая используется для удовлетворения «чувства власти», создания «сферы влияния» даже своей «частной империи»***. Масштабное исследование Ф. Броделем «игр обмена» тектологически может быть резюмировано так: вследствие асимметрии ингрессии над обширной поверхностью сделок возвышается непрозрачная зона концентрированных активностей — эгрессия капитализма. Капитализм опирается на средоточия экономической власти — монополии де-факто****. «Процесс капитализма обозначается тем отчетливее, чем длиннее становятся торговые цепочки между непосредственными производителями и конечными потребителями, когда от разрыва прямой связи решающими преимуществами

* Макконнелл К., Брю С. Экономикс. Кн. 1. М., 1992. С. 51—53.

** Perroux F. L'economie du XX siecle. Paris, 1961. P. 20, 84.

*** Шумпетер Й. Указ. соч. С. 166.

**** Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 118—119.

обладает купец, и исключительно ярко этот процесс проявляется в торговле на дальние расстояния»*. В силу этой асимметрии возвышаются иерархические социальные структуры, которые искажают в свою пользу ход обмена, осуществляют манипуляции, о которых масса людей не имеет понятия, например, сложное искусство денежного курса. Иерархия обменов выделяет из торгующей массы слой крупных предпринимателей, связанных с торговлей на дальние расстояния и присваивающих все, что в радиусе досягаемости оказывается достойным внимания. Это — «царство изворотливости и право сильного»**.

Эгрессия капитализма была отражена в теориях *финансового капитала* европейских марксистов 1900–1920-х годов (Р. Гильфердинг, Н. Бухарин и другие) и *периферийного капитализма* латиноамериканских экономистов 1940–1960-х годов (Р. Пребиш, С. Фуртаду и др.). Первые доказывали, что капиталистическая конкуренция неизбежно порождает концентрацию производства и капитала и господство над миром промышленно-финансовых монополий. Вторые на примере своего макрорегиона проследили, как центральная зона мирового хозяйства деформирует «периферию», определяя своими импульсами «двойственную динамику» расхождения традиционного и модернизированного секторов. Модернизированный сектор интегрируется в мировое капиталистическое хозяйство и обслуживает воспроизводственный процесс стран центральной зоны, а не периферийных стран, слаборазвитость которых таким образом усугубляется.

Эти концепции начала и середины минувшего столетия в конце его нашли продолжение в *школе мир-системного анализа* (МСА), основанной учеником Ф. Броделя И. Валлерстайном. МСА описывает возникшую в ходе заокеанской экспансии Запада современную капиталистическую мир-систему как глобальную с момента ее возникновения, представляющую собой обширные цепи включающих производство структур, рассеченных многочисленными политическими структурами. Базовая логика в том, что накопленная прибыль распределяется не равным образом, в пользу тех, кто в состоянии достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях.

* Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 120.

** Бродель Ф. Динамика капитализма. С. 58–59.

Тектологически говоря, товарные потоки, захваченные глобальной асимметричной ингрессией, сгущаются в эгрессию организованных рынков и закрепляются депрессией *международного разделения труда* (МРТ). МРТ складывается как трехъярусная иерархия центра, полупериферии и периферии. Эгрессивным центром-гегемоном образовавшейся капиталистической мир-экономики стал приатлантический северо-запад Европы — страны с развивающейся отраслевой решеткой (прежде всего Голландия и Англия), предоставляющие промышленную продукцию, фрахтовые и финансовые услуги. Периферию составили колониальные страны — поставщики на мировой рынок дорогих товаров с малым удельным весом (драгоценные металлы, пряности, кофе), а полупериферию — аграрные европейские страны — экспортеры массовых товаров с высоким удельным весом (зерно, железо, товары для кораблестроения и мореходства). Стягивание товарных цепочек к центрам-гегемонам «цивилизированного мира» и включение остальных стран в международное разделение труда и мировой рынок как периферийного и полупериферийного ярусов обусловило насаждение плантационного рабства в колониях и бремя «вторичного закрепощения крестьянства» с тяжелейшей барщиной в европейских странах к востоку от Эльбы.

Западная Европа «вновь “изобрела” рабство и “экспортировала античное рабство в Новый Свет», и именно в ответ на ее нужды произошло второе издание крепостничества в Восточной Европе, — констатировал Ф. Бродель, соглашаясь с И. Валлерстайном в том, что «капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики. Он является плодом авторитарной организации явно чрезмерного пространства. Он не дал бы столь густой поросли в ограниченном экономическом пространстве. Он и вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда»*.

Во второй половине XX века США как центр-гегемон капиталистической мир-экономики гарантией рынков содействовали экономическому подъему Западной Европы, Японии, «новых индустриальных стран» Юго-Восточной Азии, Чили под властью хунты. Но при этом *глобальная депрессия* международного разделения труда консервирует недоразвитость зависимой периферии и сосредоточение в центральной зоне поч-

* Бродель Ф. Динамика капитализма. С. 98.

ти всего инновационного потенциала. Наконец, асимметрия глобальной ингрессии приводит к системному расхождению хозяйственных организмов с тенденцией к дополнительным «извращенным связям»* — через наркобизнес, подпольную торговлю оружием, поставку «женского» товара, отмывание денег и иные формы криминальной экономики; так же как сегментация общества на группы в зависимости от их способности или неспособности действовать в производственной системе, основанной на информатике, дополняется вспышками повседневного насилия вплоть до немотивированных убийств в качестве утверждения личности.

Мир-системный анализ появился как мост из XX в XXI век, призыв к новой парадигме гуманитарных наук, к системному знанию о социальной реальности. Солидный вклад в это знание способна внести и тектология. Пока остается без ответа глобальный вопрос, поставленный ею сто лет назад: как овладеть организационными законами в культурной сфере, «чтобы не получалось такого равнения по низшему, которое подчиняет цивилизацию пережиткам дикости, хотя бы они были гораздо слабее накопленных ею активностей»**.

* Кастельс М. Начало истории // Социализм будущего = El Socialismo del Futuro. 1990. № 2. С. 54.

** Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. 6-е изд. С. 265.